

ЮЛИЯ КРЁН

ГУННОРА

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ВИКИНГА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
УДОСУГА

Юлия Крён

Гуннора. Возлюбленная викинга

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2013

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

Крэн Ю.

Гуннора. Возлюбленная викинга / Ю. Крэн — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013

ISBN 978-9-66-148851-8

Средние века. В поисках лучшей жизни семья Гунноры отправилась в Нормандию. Но едва переселенцы ступили на берег, как на них напала орда воинов и родители девушки были убиты. Гуннора и сестры чудом остались в живых... Однажды в их хижину судьба привела самого герцога Ричарда, наследника престола. Одна из девушек приглянулась ему, и герцог велел ей явиться к нему на ложе. Чтобы спасти сестру от позора, Гуннора решила пожертвовать собой – и под покровом темноты пришла вместо нее. Синеглазая язычница не догадывалась, что эта ночь перевернет всю ее жизнь...

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

ISBN 978-9-66-148851-8

© Крэн Ю., 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013

Содержание

Руны	6
Вступление	7
Фекан	8
Глава 1	11
Фекан	29
Глава 2	31
Фекан	43
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юлия Крэн

Гуннора. Возлюбленная викинга

Рун не должен резать тот, кто в них не мыслит.
Сага об Эгиле¹

© Bastei Lübbe AG, Köln, 2013
© DepositPhotos.com / zoomteam, обложка, 2015
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2015

* * *

Руны

 Феу	 Хагалаз	 Тивац
 Уруз	 Наутиз	 Беркана
 Турисаз	 Иса	 Эваз
 Ансуз	 Йера	 Манназ
 Райдхо	 Эйваз	 Лагуз
 Кеназ	 Перт	 Ингуз
 Гебо	 Альгиз	 Дагаз
 Вуньо	 Соулу	 Одал

Вступление

С IX века викинги с территории современной Дании и Норвегии начали набеги на север Западно-Франкского королевства. Чтобы остановить их нападения, в 911 году король франков выделил предводителю викингов Роллону земли в низовье реки Сены. Впоследствии эти территории стали называть «землями северян» или «землями норманнов». Так возникло название «Нормандия». Роллон выполнил условие, поставленное ему королем для передачи земли в лен, – он принес королю клятву вассальной верности и принял христианство.

Невзирая на свое крещение, Роллон до конца жизни так и не отказался от языческой религии северян, но уже его сын и наследник, герцог Нормандии Вильгельм I Длинный Меч, стал правоверным христианином и полностью принял культуру франков. Он начал строить монастыри, а не разрушать их, как его предки. В 941 году новым герцогом Нормандии становится его сын, Ричард I Бесстрашный. Он следует примеру отца.

Но его соседи, знать Западно-Франкского королевства и отдельные бароны, лишь формально принимают Ричарда как равного себе. Слишком уж велико недоверие к потомку грубых северян. Слишком уж велико их желание завладеть этими землями...

Фекан

996 год

Агнессе было скучно ждать смерти. Раньше она иначе представляла себе то, что происходит с человеком перед тем, как он умрет. Девочка ожидала чего-то жуткого, страшного, она думала, что ее будет трясти от ужаса, ведь перед смертью человеку являлись демоны, стремившиеся похитить бессмертную душу. А потом должны были прийти ангелы Господа и вступить с демонами в бой за спасение души. Она ждала, но не было ни теней, ни таинственного шепота бестелесных существ, ни шороха крыльев, – нет, не было ничего мистического и потустороннего, только дым, разъедавший ей горло. И равнодушные лица.

Весь двор собрался у смертного одра герцога Нормандии: его приближенные, местная знать, клир и, конечно, его семья: супруга, многочисленные дети и внуки.

Они казались такими серьезными. Может быть, им тоже было скучно, как и Агнессе, может быть, они тоже были разочарованы смертью. Похоже, они надеялись, что эта мучительная борьба за жизнь не продлится долго. То ли смерть была слишком слаба, то ли герцог силен, но борьба не прекращалась.

Неделю назад герцог потерял сознание во время своего визита в Байе. Он приехал туда, чтобы лично проследить за строительными работами – вот уже несколько лет на месте руин римской цитадели возводился дворец. Но не успел он полюбоваться высокими стенами и представить себе будущую жизнь в этом замке, как ноги у него подкосились и герцог повалился на землю без чувств. По крайней мере так утверждал его брат, Рауль д'Иври. Вскоре герцог пришел в себя, но с тех пор его преследовали страшные боли в конечностях и мучительная мигрень.

Состояние герцога ухудшилось, и в Фекан его, страстного любителя верховой езды, пришлось везти в повозке. Герцог так плохо себя чувствовал, что даже не сопротивился этому позору. Теперь его занимали не только мысли о предстоящей смерти, но и судьба его земель. Он попрощался с близкими, объявил, что наследником трона должен стать его старший сын, а затем начал молиться. Сейчас его губы уже не шевелились, но мужчина еще дышал.

Агнесса подавила вздох. Она поняла, почему язычники-северяне, когда-то основавшие это герцогство, а потом принявшие крещение, считали смерть в своей постели худшим из проклятий. Смерть же на поле боя была благословением, она не только дарила славу, но и достигала свою жертву молниеносно.

Может быть, и самому герцогу сейчас скучно? И он поприветствует апостола Петра у райских врат не улыбкой, а зевком?

По крайней мере выражение его лица было столь же равнодушным, как и у всех присутствующих... Впрочем, нет, не у всех.

Агнесса вдруг обратила внимание на то, что двое монахов у смертного одра явно чем-то взволнованы, и дело вовсе не в состоянии герцога. Первого монаха звали брат Уэн, он славился в замке не только необычайной тучностью, но и красивым почерком, благодаря которому ему уже много лет поручали оформлять все документы при дворе. Второго звали брат Реми. Он приехал всего несколько дней назад, но его имя знал весь двор в Фекане. Брат Реми так гордился своим аббатством Мон-Сан-Мишель, что рассказывал о нем каждому встречному, не задумываясь над тем, интересно ли это собеседнику.

Похоже, брат Уэн и брат Реми были знакомы. Они переглянулись, кивнули друг другу, и брат Уэн поспешно отошел от постели умирающего и направился в коридор. Брат Реми, с подозрением оглянувшись, последовал за ним.

Сердце Агнессы забилось чаще. Стараясь двигаться как можно тише, она вышла из комнаты. Остальные не заметили, что с монахами что-то не так, а если бы и заметили, то не стали бы этим интересоваться. Но в Агнесе проснулось любопытство: что же заставило этих двух братьев покинуть свой пост?

Возможно, причина тому была банальна и монахи просто решили сходить в уборную или перекусить. По крайней мере брат Уэн неспроста был настолько толстым, все знали, что ему не чужд грех чревоугодия. Но, может быть, этим двоим нужно обсудить что-то важное? Как бы то ни было, это интереснее, чем смотреть на умирающего герцога.

Агнесса тихонько последовала за двумя монахами. Они остановились в конце коридора и взволнованно перешептывались. Девочка не могла разобрать, что они говорят, но когда она подкралась поближе, ей удалось расслышать отдельные слова.

– Что делать... давняя тайна... один из моих братьев... поведал мне перед смертью, что... непредвиденные последствия...

Агнесса спряталась за колонной и глубоко вздохнула. Свинцовая усталость отступила, сейчас девчушка была столь же напряжена, как и оба монаха.

– Я уже много лет живу здесь, при дворе, – говорил тем временем толстый брат Уэн. Его двойной подбородок подрагивал. – Но за все время я ничего не слышал об этих записях.

– Ну конечно! – Брат Реми, похоже, уже терял терпение.

У него были острый подбородок и крючковатый нос, из-за чего монах напоминал хищную птицу.

– Если бы весь мир знал об этом, то какая же это тайна? Но я уверен, что герцогиня хранит записи где-то здесь!

Уэн покачал головой, его подбородок вновь затрясся.

– С ее стороны было бы глупо оставлять записи здесь, раз ты говоришь, что они настолько опасны.

Брат Реми хмыкнул в ответ.

– Может, она и умная женщина, но она все-таки женщина, а все мы знаем, что Господь даровал им больше чувств и меньше рассудка, чем нам, мужчинам. Да, она умеет управлять двором, носит роскошные платья, искусно подбирая к ним украшения, но это не означает, что герцогиня разбирается в политической ситуации и сумеет предвидеть дальнейшее развитие событий. – В его голосе слышалось презрение.

Невзирая на порочащие герцогиню слова, брат Уэн ничего не возразил.

– А что теперь? – спросил он.

– Ну... – протянул брат Реми. – Ты же знаешь, где находятся покои герцогини. Лучшей возможности пробраться туда, найти записи и забрать их себе не предвидится. Не думаю, что в ближайшие часы она отойдет от постели супруга.

Брат Уэн весь трясся от восторга, на его лице читалось злорадство. Агнесса почувствовала, как в ней разгорается гнев.

– Герцогиня – гордая женщина, – пробормотал Уэн. – Она считает себя выше всех остальных. Мнит себя непобедимой. Но если то, что ты говоришь, правда...

– Это правда, поверь мне!

– Ну, если она действительно хранит эту тайну, а мы ее раскроем и у нас будут доказательства того, что это не клевета, а святая истина, то этим мы не только разрушим ее репутацию. От этих записей зависит судьба всей Нормандии!

Мужчины рассмеялись, и их смех напомнил Агнессе бляение коз. Но то, что их развешило, заставило девочку содрогнуться от страха. Много часов она ожидала хоть каких-то чувств, ожидала, что эта давящая пустота внутри нее исчезнет, но душевное потрясение вызвала вовсе не смерть герцога, а осознание того, что она услышала то, чего никогда не должна была узнать.

– Так и есть! – с триумфом в голосе провозгласил брат Реми.

«О господи!» – подумала потрясенная Агнесса. Что за тайну хранила герцогиня Нормандии, женщина, прощавшаяся в соседней комнате со своим супругом? И чем ей навредят два монаха, если действительно раскроют этот секрет?

Глава 1

962 год

Свет был настолько тусклым, что Гуннора едва могла разобрать отдельные письмена. Она благоговейно провела по рунам кончиками пальцев, словно пытаясь запечатлеть их в своем сознании. Эти руны вырезала ее мать, Гунгильда. Посидев немного, Гуннора взяла у матери нож и деревянную табличку и сама вырезала несколько рун.

– Теперь я уже знаю все знаки! – гордо заявила она.

Раньше было всего шестнадцать рун, затем добавилось еще восемь. Кроме того, существовали еще тайные руны, известные лишь немногим избранным. Одна была похожа на волка; если ее вырезать на могиле, то умерший навсегда будет проклят. В рунах была сокрыта великая сила, и мать не забывала напоминать Гунноре об этом.

– Каждая руна – это символ, и у этого символа есть свое имя, дающее понять, в чем состоит ее сила. Каждая руна позволяет творить добро, а если начертать ее иначе – то зло. Ты не должна забывать об этом!

Голос матери звучал все тише, но пальцы лишь сильнее сжимались на плече Гунноры. Послышался грохот – в трюме упал какой-то ящик. В первые дни путешествия Гуннору сильно укачивало, но сейчас она уже привыкла и к беспокойному морю, и к непривычным звукам – скрипу дерева, шуму волн.

Кивнув, она продолжила вырезать руны.

– Да, я знаю, – сказала она. – Вот эта руна, восьмая, называется «вуньо», то есть «успех и понимание». Нарисованная наоборот, она означает беды, отчуждение, одержимость. А вот десятая руна, «наутиз», она означает нужду. Эта руна придает нам сил, чтобы мы могли смириться с судьбой и посмотреть своим страхам в глаза. Но если эта руна оборачивается проклятием, она приносит горе, утраты, нищету.

Девушке хотелось еще чертить руны и говорить с матерью, но Гунгильда забрала у нее нож.

– На сегодня достаточно, – решила она. – Ты делаешь успехи, Гуннора, и с рвением относишься к своему занятию. В свои семнадцать лет ты больше знаешь о рунах, чем многие старухи.

В голосе женщины слышалась не только гордость, но и грусть, и она погладила дочь по голове, точно хотела не похвалить ее, а утешить.

– Но ты же сама говорила, что это очень важно! – воскликнула Гуннора. – В конце концов, неизвестно, знают ли люди на нашей новой родине о силе рун.

Девушка не могла сдерживать презрения. Думая о будущем новом доме, она всегда сомневалась, сможет ли полюбить эту страну и доверять ее жителям. Отец решил, что в Нормандии их ждет лучшее будущее, а отцу нельзя перечить, но Гуннора заметила, с каким недовольством мать покинула свой дом в Датском королевстве, с какой неохотой она села на корабль.

– Само слово «руна», – продолжила Гуннора, – означает тайну, а я хочу знать все тайны, так же, как и ты. Я хочу обладать этой силой!

Да, руны давали силу. Некоторые люди видели в них и пользу в повседневной жизни: купцы, скреплявшие рунами договоры о поставке товаров; путешественники, писавшие домой письма; крестьяне, царапавшие рунами свои имена на плугах, чтобы все знали, кому их орудия принадлежат; воины, чертившие их на своих мечах и щитах как знаки отличия. Но только те, кто владел рунной магией, могли воспользоваться этими письменами для того, чтобы предсказывать будущее, насыпать несчастья или привлекать удачу, чтить память мертвых или проклинать, заботиться о здоровье скота и богатом урожае, исцелять – но также вызывать непогоду, напускать на плоды гниль и накликавать смерть.

И вновь мать погладила Гуннору по голове.

– Я горжусь тем, что моя дочь столь прилежна и любознательна, – прошептала она. – Но ты не должна забывать о том, что за использование силы рун тебе придется платить.

Корабль вновь заскрипел.

– Как платить?

Гунгильда помедлила. Она не знала, готова ли дочь услышать ответ на этот вопрос.

– Я рассказывала тебе, какой бог больше всех знает о рунах и рунной магии.

– Один.

– Но откуда он получил это знание?

Гуннора покачала головой.

– Один искал мудрость. Чтобы испить из источника Мимира и обрести дар предвидения, он пожертвовал своим правым глазом. А чтобы постичь силу рун, он девять дней и ночей провисел вниз головой, прибив себя к стволу дерева Иггдрасиль. Каждый может научиться использовать эту силу, но каждый должен что-то отдать за это.

«Девять дней, – подумала Гуннора. – Девять дней он провисел вниз головой, прибитый к дереву...»

– А я? – спросила она. – Что я должна буду отдать?

– То ведомо только Одину.

Шум в трюме стал громче, корабль заскрипел протяжно и натужно, в этом звуке слышалась тревога, как и в голосе Гунгильды. Гуннора посмотрела на мать и, невзирая на полумрак, заметила страх на ее лице. Боялась ли Гунгильда рун, которые могли принести как вред, так и пользу, или непредсказуемых богов, забавлявшихся людскими мучениями? Или будущего на новой родине, ради которого она оставила привычный мир?

Гуннора вздрогнула, когда снаружи донесся чей-то крик. Но ее мать, казалось, перестала тревожиться. На губах Гунгильды заиграла улыбка.

– Судя по всему, впереди показалась земля!

Потом Гуннора часто задавалась вопросом, ощутила ли она смятение уже в тот миг, когда вышла из тесной комнатенки в трюме, посмотрела на поблескивающую в лучах солнца воду и разглядела на горизонте полоску земли. Или тогда, когда она услышала историю о жертве Одина? Или же мрачные предчувствия охватили ее чуть позже? Как бы то ни было, эти предчувствия были единственным, что подготовило ее к тому, чему еще суждено было случиться.

Охваченная ностальгией и сомнениями, девушка смотрела на побережье, на полоску земли между небом и морем, на песок и скалы. То был знак того, что жизнь на родине подошла к концу и начиналась новая жизнь – тут, в Нормандии.

Морской ветер дул ей в лицо, и Гуннора на мгновение закрыла глаза, наслаждаясь солоноватым ароматом и предвкушением свободы. Мать всегда учила ее в закрытых помещениях: в доме в Датском королевстве, в трюме корабля, и ради знаний девушка готова была отказаться от солнечного света. Но сейчас она радовалась теплу, усматривая в нем доброе предзнаменование. Свет солнца отгонял озноб и сомнения. Гуннора часто зябла – как дома, так и тут, на этом корабле, где нельзя было развести костер, а сырость проникала во все щели.

Такие корабли, как этот, назывались кноррами. Отец говорил, что в отличие от узких и маневренных снелкаров, кнорры предназначались для перевозки товаров: железной руды и стеатита. Пассажирам приходилось тесниться среди ящиков с грузом, мирясь с подстерегавшей их опасностью: в любой момент один из ящиков мог упасть и придавить кого-нибудь.

«Следующей ночью я уже буду спать в новом доме», – подумала Гуннора. Девушка разволновалась.

Ее отец тоже проявлял нетерпение.

– Когда мы причалим?

Мужчина, которому принадлежал этот корабль, обычно помалкивал. Такой же неразговорчивостью отличалась и его команда – шесть человек, возивших товары из Датского королевства в Нормандию и обратно. Теперь же капитан не без гордости сообщил отцу Гунноры, что его кнорр «Морской лось» совершил путешествие быстрее, чем ожидалось.

– Когда солнце будет в зените, мы сойдем на сушу, – провозгласил он.

Младшие сестры Гунноры посмеивались над странным названием корабля и за время поездки обследовали тут все, что только можно, но сегодня их, похоже, не интересовали ни трепетавшие на ветру паруса, ни длинные весла, с громким плеском погружавшиеся в воду. Все их внимание было приковано к суше на горизонте.

– А правда, что луга в Нормандии поросли цветами? А в полях гнутся колосья? – спросила Сейнфреда.

Девушка была на год младше Гунноры, она казалась хрупкой, а кожа у нее была такой белой, что видны были темные вены. В отличие от сестры, у Сейнфреды были светлые волосы, а ступни у нее были настолько крохотными, что казалось, девушка не устоит на земле и ее сдует даже порыв ветра.

– Там тоже бывает холодно и временами бушует непогода, но это случается не так часто, как у нас, – ответил ее отец Вальрам.

Вивею, вторую сестру Гунноры, цветы и колосья не интересовали.

– А я смогу раздобыть в Нормандии такую же красивую цепочку, как у мамы?

Восьмилетняя девочка обожала украшения и могла часами любоваться цепочкой Гунгильды. Иногда Вальрам дарил дочери жемчуг, но у него не хватало денег на целое ожерелье. Сестра Гунгильды делала изящные украшения, нагревая в печи обсидиан и разноцветные камни и придавая им железным прутком разные диковинные формы.

– Когда у нас появится собственная земля и мы соберем богатый урожай, я куплю тебе цепочку, – улыбнулся ее отец.

– Но только когда ты подрастешь немного, – строго добавила Гунгильда.

Вивея хотела возразить, но тут вмешалась четырехлетняя Дювелина. Она прижалась к отцу и попросила:

– Расскажи мне о Нормандии!

Девочку не волновало, чаще ли в этой стране случаются солнечные дни и есть ли тут богатые украшения, ей хотелось знать, живут ли здесь, как и в Дании, драконы, эльфы и гномы, а также другие волшебные существа, истории о которых она могла слушать беспрерывно. Отец не только рассказывал ей о сказочных созданиях, но и вырезал фигурки из дерева. Сейчас Дювелина сжимала в руках деревянного волка. Когда Гуннора была маленькой, ее тоже восхищали миниатюрные копии кораблей, оружия, животных и загадочных существ из мира легенд и сказаний, но с годами все ее внимание переключилось на руны.

Солнечные лучи золотили волны. Корабль плыл уже медленнее, матросы спустили паруса. Мачту, поддерживавшую рею, матросы укрепили вантами и штагами из тюленьей кожи. Финнгейр, капитан, с гордостью сообщил, что такие мачты бывают не на каждом корабле.

Дювелина была вне себя от восторга, когда матросы сняли резную драконью голову с носа судна. На море она должна была отгонять злых духов, но на суше ее нужно было прятать, чтобы не наводить ужас на местных жителей, как людей, так и волшебных существ. Гуннора знала, что духи местности могут навредить людям, а вот Дювелина не боялась ни духов, ни гномов, ни эльфов. Для нее весь мир был сплошным развлечением, и все ее радовало. Сейчас она с любопытством смотрела на «солнечный камень» рядом с гномом – при помощи этих приборов моряки определяли направление, в котором должен двигаться корабль. Впрочем, сейчас в этом не было нужды.

Пока что на суше не было видно ни цветов, ни колосьев, только песок, камни, да несколько деревьев, казавшихся убогими и хилыми по сравнению с огромными дубами и буками в лесах Дании. Гуннора скучала по запахам дубового бора, хотя и пыталась убедить себя, что и тут есть леса, а в Дании встречаются столь же неприглядные пейзажи, пустоши и болота.

– Вот увидишь, здесь все будет лучше, – шепнула ей мать.

Кого она хотела утешить, дочь или саму себя?

Гуннора кивнула, но не улыбнулась. Жизнь без трескучих морозов. Жизнь без голода. Жизнь... без родины.

Вальрам прищелкнул языком.

– Что, малышка, опять тоскуешь по дому? – Он посмотрел на старшую дочь. – Иногда нужно мужество, чтобы остаться, иногда – чтобы уйти. А нашему народу отваги не занимать.

– Я знаю, – выпалила Гуннора.

Кроме историй о гномах и эльфах отец часто рассказывал о ютах, уплывших в Британию на крохотных суденышках, намного меньше, чем этот кнорр. Многие утонули, но это не остановило других.

Девушка заставила себя улыбнуться.

– Я радуюсь новой жизни в Нормандии.

– А я рада, что тут у нас будет в досталь еды, – сказала Сейнфреда.

– А я рада, что у меня будет цепочка! – воскликнула Вивея.

– А ты вырежешь мне лошадку? – пропищала Дювелина.

Гунгильда часто говорила, что ее дочери не похожи друг на друга. Да, прослеживалось сходство в чертах их лиц, но у Сейнфреды были светлые волосы, у Гунноры – черные, у Дювелины – рыжие, а у Вивеи – каштановые. «Мы точно разные стороны света. И я – Север, темная, как леса и море, лишённые яркого солнечного света. Я Север, потому что с севера пришло к нам знание о рунах. Знание, которое мне предстоит сохранить».

– Ну конечно, я вырежу тебе лошадку! – улыбнулся Вальрам.

В его голосе слышалась такая радость, что тоска Гунноры о родине немного развеялась. Тревога отступила, мрачные предчувствия рассеялись.

Ничто не предвещало беды.

Ничто не подготовило ее к тому, что должно было случиться.

Вскоре они добрались до суши, но пришлось еще потерпеть, прежде чем они смогли ступить на землю после стольких дней, проведенных в море. Вначале следовало определить глубину, осторожно подвести корабль к кромке берега, спустить сходни из дерева и веревок, утяжеленные камнями. Из сходен торчали колышки, которыми они крепились к носу кнорра.

Затем нужно было дожидаться, пока мужчины снесут на берег груз.

Гуннора забралась на сходни и, взяв Вивею за руку, неуверенно сделала пару шагов. Хотя дерево казалось прочным, девушке почудилось, будто она чувствует биение волн. Солоноватый запах моря, говоривший о просторе, свободе и солнце, сменился гнилостным. Тут волны не пенились, но Гуннора все равно не видела своего отражения в воде. Словно это было не море, а болотная трясина.

Сейнфреда протянула сестре руку.

– Удивительно, да?

Гуннора кивнула. Она никак не могла отделаться от чувства страха: ей все казалось, что она оступится на шатких сходнях и упадет в зеленоватую воду. Тут она точно не выплывет, пойдет ко дну, утонет!

Но девушка не споткнулась, она добралась до песчаного берега Нормандии. Теперь ее пугала уже не вода, а гомон.

Их корабль был не единственным, приплывшим сюда. Второе судно как раз разгружали. Среди людей, прибывших в Нормандию, оказались не только датчане, но и шведы. Когда-то они перебирались в Ютландию, надеясь найти там плодородную землю, а когда эти надежды развеялись, началась волна переселений в Нормандию. Новоприбывшие с любопытством оглядывались, и Гуннора последовала их примеру. Вокруг были только камни, песок и желтая трава. Шведы возбужденно переговаривались.

Семью Вальрама это не смущало – пока что все сосредоточились на том, чтобы доставить с корабля на сушу ценный груз, двух их лошадей.

Как и большинство приплывших с ними шведов, Вальрам был коннозаводчиком. Кони из Дании считались лучшими – как скакуны, на которых воины отправлялись в бой, так и приземистые лошадки, в мирное время перевозившие грузы. Но сейчас эти две лошади казались запуганными. Поднявшись на борт корабля в Аггерсборге, Вальрам уложил их на бок и связал, с тех пор кони не вставали. Наверное, сейчас они еще больше боялись оступить, чем Гуннора. Лошади ринулись к суше, и Гунгильда подхватила на руки Дювелину, чтобы малышка не попала под копыта. Животные заржали, и Вальрам с облегчением рассмеялся. Это был последний раз, когда Гуннора слышала смех своего отца, последний раз удивлялась наречию шведов, в последний раз смотрела на лошадей, не думая о крови. Едва сойдя на песчаный берег, кони остановились, встали на дыбы и тряхнули гривами. Только теперь Гуннора увидела, что их так напугало. Издалека приближались всадники – всадники с оружием, – и они неслись прямо на берег.

– Кто это? – спросила она.

Девушка попыталась разглядеть их, но ее слепил солнечный свет.

– Не знаю...

Ей показалось или голос Гунгильды дрогнул?

Как бы то ни было, женщина поспешно передала ей младшую дочь.

– Ждите здесь! – приказала она.

Вальрам попытался успокоить лошадей, и, хотя животные продолжали ржать, он сумел взять их под уздцы и подвести к жене.

– Это твоя семья? – спросила Гуннора.

Некоторые их родственники уже довольно давно жили в Нормандии. Вальрам надеялся, что можно будет остановиться у них на первое время. Но родня не знала о его прибытии, к тому же они были не настолько богаты, чтобы купить столько лошадей... и оружие.

Вальрам последовал за Гунгильдой.

– Нужно поговорить с ними!

Дочери остались на берегу, а Гунгильда и Вальрам с лошадьми в поводу направились к всадникам. Кони все еще ржали, закатывая глаза. Они испугались незнакомых лошадей? Или всадников? Или этого сладковатого запаха?

Да, теперь в воздухе уже не чувствовалась гнилостная вонь застоявшейся воды, пахло... чем-то сладким.

От волнения Гуннора не обратила на это внимания, как не подумала она и о том, почему их никто не встретил и не помог разгрузить корабль, а ведь неподалеку от причала находилась небольшая деревушка. Гуннора настолько обрадовалась тому, что приехала сюда целой и невредимой, что засмотрелась вокруг, выискивая цветы и колосья, а на дома так и не посмотрела. Теперь же ее взгляд обратился к деревне, и она увидела, что у домов лежат люди... И не спят, а... разлагаются.

Прежде чем Гуннора успела что-то сказать, ее мать завопила:

– Бегите! Бегите прочь!

Гунгильда побежала – но она не пыталась спастись. Женщина устремила к своему мужу. Рядом с двумя лошадьми он казался таким маленьким. А вот всадники, обнажившие оружие, – огромными.

– Бегите! – вновь крикнула она.

Однако Гуннора замерла, она не могла двинуться с места. Вивея, ухватившись за руку Сейнфреды, расплакалась, а Дювелина вцепилась в юбку Гунноры.

«Я старшая, я должна позаботиться о них», – пронеслось у нее в голове.

Она могла думать, но не шевелиться. Остолбнев, она смотрела, как всадники галопом несутся к ее отцу. Он отпустил лошадей и поднял руки, призывая нападавших остановиться, но один из всадников замахнулся мечом. Лезвие сверкнуло на солнце и обрушилось на северянина. Все произошло так быстро, что Гуннора увидела только, как ее отец повалился на колени, а его отрубленная голова откатилась в сторону. Песок окрасился алым.

Гуннора все еще могла думать, но теперь она ничего не чувствовала. И не двигалась. Она не шелохнулась даже тогда, когда сзади поднялась паника. Шведы закричали и бросились врассыпную, но им перекрыли пути к отступлению: со всех сторон неслись всадники, обезглавливали переселенцев, разрубали тела пополам, пробивали им грудь копьями.

Теперь уже и вода стала красной, словно впереди раскинулось целое море крови.

Сейнфреда дернула сестру за руку. Ее глаза широко распахнулись, лицо побледнело, стало такого же цвета, как и волосы. В голову Гунноре пришла странная мысль – когда Сейнфреду разрубят мечом, потечет не алая, а белая кровь, белая, точно морская пена...

Но Сейнфреду не должны разрубить! Как и Вивею, и Дювелину, и ее саму!

– Бегите! Беги... – Крик матери оборвался.

Ее тело пронзило копье, и женщина повалилась на землю.

На этот раз Гуннора повиновалась ее приказу. Она помчалась к сходям, подальше от всадников и убитых. Вдалеке показалась рощица, но деревьев там было недостаточно, чтобы спрятаться. Да и добежать туда не получится. Девушка почувствовала подступающее отчаяние.

– Лодка, Гуннора! Лодка!

Она едва разобрала слова сестры, но и сама увидела, как на зеленых волнах покачивается какая-то лодочка. Кивнув, девушка прыгнула в воду. Холод пронзил ее, словно ножом, но это было неважно. Одной рукой держа Дювелину, второй она перевернула лодку. Младшие сестры плакали.

Гунноре было нестерпимо холодно, но это было лучше, чем смерть, а лодка оставалась их единственной надеждой избежать опасности.

– Задержите дыхание!

Они с Сейнфредой и двумя малышками поднырнули под это шаткое укрытие. Теперь вода казалась уже не зеленой, а черной. Дювелина перестала плакать. Все точно оцепенели от холода и страха. Гуннора смотрела на Сейнфреду и думала, хватит ли тут на всех воздуха. Но это не продлится долго... И действительно, вскоре выживших, кроме сестер, не осталось.

Кожа Сейнфреды уже казалась не белой, а голубоватой. Чтобы не видеть этого, Гуннора закрыла глаза. Они дрожали, холод резал кожу, зубы стучали.

– Все кончилось? – спросила Сейнфреда.

– Тсс!

О борт лодки били волны, больше ничего не было слышно. Тут девушки могли стоять, но дно оказалось не песчаным, как берег, а илистым. Гуннора выглянула в щель между досками. Мертвых отсюда не было видно, зато она рассмотрела одного из убийц. Он спешил и, сжимая меч в руке, прошелся по берегу, пытаясь найти выживших. Его лицо было не из плоти и крови, а выковано из железа! Гуннора зажмурилась от страха, но затем поняла, что на нападавшем – шлем с бронзовым забралом, сделанным в форме человеческого лица. Верх

шлема был укреплен железными пластинами. Еще на нем была кольчуга с длинными рукавами, она серебристо поблескивала на солнце. И только крест на его груди был из дерева и не блестел.

Гуннора не знала, норманн он или франк, отец часто говорил, что эти два народа здесь перемешались. Не знала она и того, почему этот мужчина и его спутники убили переселенцев из Дании и Швеции и всех торговцев, которым принадлежали корабли. Как и тех, кто приплыл сюда в последние дни. Гуннора знала лишь, что этот тип был христианином, и либо он убьет ее, либо она его.

Мужчина, носивший знак христиан на своей груди, еще раз прошелся по берегу. Он тяжело дышал. Наконец он скрылся из поля ее зрения. Хруст песка под сапогами стих, послышался топот копыт, а затем воцарилась тишина. Девочки онемели от ужаса, все остальные были убиты. Только чайки покрикивали, и Гунноре вдруг подумалось, не сожрут ли они убитых, как это делают стервятники.

При помощи Сейнфреды она перевернула лодку и поплелась на берег. Солнце скрылось за облаками, и песок уже был не алым от крови, а черным.

«Это проклятая земля, – подумала Гуннора, – неплодородная, дарящая только смерть... Нельзя нам было приезжать сюда. Это родина христиан, а не наша».

Гуннору так и не окрестили, хотя отец желал бы этого. Многие северяне хотя бы для вида принимали христианство, особенно те, кто искал в Нормандии лучшей доли. Они осеяли себя крестным знаменем, но в воду для крещения входить отказывались. Они говорили, что верят в Иисуса Христа, но продолжали поклоняться древним богам, как и все норманны, когда-то переселившиеся в эти земли. Те, кто завоевал Нормандию, приняли христианство – так, первый герцог Нормандии, Роллон, крестился уже взрослым, а его сын Вильгельм и внук Ричард приняли крещение еще в младенчестве. Но Вальрам говорил, что это не значит, будто вожди народа северян забыли о своих корнях.

Как бы то ни было, отцу не удалось переубедить мать: Гунгильда отказывалась даже близко подпускать священника к своим дочерям. В конце концов, она была мастерицей рун. Теперь же Гунгильда, залитая кровью, лежала на песке. Сила рун не спасла ее от жестокой смерти. Гуннора прикрыла Дювелине глаза ладонями, чтобы защитить малышку от этого зрелища, но сама не могла притвориться слепой. Жуткая картина запечатлелась в ее сознании.

Лошадей ее отца видно не было – то ли животные сбежали, то ли их похитили нападавшие, но они хотя бы выжили.

– Куда пойдем? – спросила Сейнфреда.

Гуннора не могла ответить на этот вопрос. Им нужны были сухая одежда, еда, костер, крыша над головой. Им нужны были помощь, утешение, ласка. Однако девочки не знали ни имен своих родственников в Нормандии, ни названия селения, в котором те жили.

– Но что, если они вернуться?

Гуннора встряхнулась. Важнее всего, важнее еды, одежды и крова было само выживание.

– Нам нужно спрятаться.

Она оглянулась. Один из кораблей отплыл от пристани и качался на волнах. Дома в деревне оставались целыми, но если этот христианин и его люди вернуться, именно там они и станут искать выживших. А ночью нельзя было оставаться рядом с трупами. Гуннора указала на рощицу неподалеку.

– Мы сможем добраться туда и укрыться в тени деревьев.

Гуннора, Дювелина, Сейнфреда и Вивея ушли, не оглядываясь. Они шагали по песку, затем по траве, желтой и поникшей, но хотя бы не обгаренной кровью. На примятой траве виднелись следы копыт, однако Гуннора не знала, оставили их лошади ее отца или кони

убийц. Она знала только одно: сами они не должны оставить следов. Гуннора едва приехала сюда, но уже ненавидела эту страну. И христиан, живших тут.

Она несла Дювелину на руках, и девочка с каждым шагом, казалось, становилась тяжелее, но Гуннора не обращала внимания на боль в руках. Малышка вновь начала плакать, и шелест листвы в роще заглушил ее слабые всхлипы. Листья были крупными, темно-зелеными; впрочем, рощица оказалась еще реже, чем виделось издали.

– Что теперь? – спросила Сейнфреда.

Гуннора не знала, что ответить. Она усадила Дювелину на землю и опустилась на колени. Земля была теплой, и девушка вывела пальцем на земле руны.

«Наутиз». Беда.

При помощи этой руны можно было принять горе, стать сильнее, избавиться от нужды. Или погибнуть от горя, оказаться раздавленной им, никогда больше не радоваться жизни. Благословение или проклятие. Польза или вред. Добро или зло.

Дювелина плакала и звала маму, Вивея молчала. Сейчас она уже была не похожа на ребенка, шок заставил ее повзрослеть.

– Тихо! – пробормотала Гуннора.

Но Дювелина все рыдала.

– Тихо! – повторила она и, поскольку девочка не замолчала, зажала ей рот ладонью.

Ее пальцы перепачкались в земле, и комья грязи липли к губам малышки.

Плач утих, и Гуннора услышала вдалеке топот копыт. Христианин и его люди возвращались. Может быть, они и не уезжали вовсе, так, отъехали немного, чтобы посмотреть, не покажется ли кто-нибудь.

Сейнфреда расплакалась от страха.

– Ты датчанка, а датчане не плачут, – шикнула на нее Гуннора. – Наш народ презирает слезы.

– Они убьют нас, убьют нас! – хрипло воскликнула Сейнфреда.

– Нет. Я этого не допущу.

В последний раз взглянув на руны «наутиз», Гуннора приказала сестрам следовать за ней.

«Я выдержу это испытание. Я сильная. Я не сдамся».

Они побежали прочь, пересекли небольшую лужайку и добрались до леса. Он был гуще рощицы, тут росли березы и клены, а папоротник доходил девочкам до колен. Из кустов вылетела стайка птиц, испугавшись непривычного шума. Гунноре хотелось, чтобы она и сестры могли вот так же расправить крылья и улететь вдаль. Ей казалось, что они в ловушке. Добравшись до опушки леса, девушка оглянулась. Если сейчас появятся всадники...

Нет, об этом даже думать нельзя! Как нельзя думать и о том, что ее родителей убили, их тела лежат в лужах крови, а сама Гуннора теперь несет ответственность за сестер!

– Нам нужно пробраться к родственникам нашего отца, – сказала Сейнфреда.

Гуннора была рада, что ее сестра способна трезво мыслить, не предаваясь скорби. Но ее предложение ей не понравилось.

– Нам слишком мало известно о них, чтобы мы могли их найти. Мы даже не знаем, как их зовут. Нам лучше разделиться.

Сейнфреда потрясенно уставилась на нее.

– Но...

– Ненадолго, – быстро продолжила Гуннора. – Пока эти мужчины неподалеку. Вы идите в лес, а я останусь здесь, буду смотреть, не появятся ли они. Если я услышу, что они приближаются, то выманю их отсюда подальше.

– Но я не могу...

– Можешь!

Гуннора схватила Сейнфреду за руку. Девушка казалась невероятно хрупкой, но в глазах Сейнфреды читалась нерушимая воля бороться до последнего вздоха. Ради самой себя, а главное, ради своих сестер. Сейнфреда кивнула, но младшие сестры не могли на это согласиться. Вивея закричала, а Дювелина вцепилась Гунноре в юбку. Девушка с трудом разогнула ее цепкие пальцы. Это зрелище разбивало ей сердце. Но, впрочем, ее сердце и так было разбито, и она шла босиком по осколкам, чувствуя, как они взрезают ее ступни.

– Делайте, что я вам говорю!

Она еще никогда не разговаривала с сестрами так строго. И никогда еще не чувствовала себя настолько взрослой.

Девочки, испугавшись, последовали за Сейнфредой в чащу леса. «Надеюсь, это правильное решение», – подумала Гуннора, когда они скрылись из виду. Оставшись одна, она уже не чувствовала себя такой сильной и взрослой. Теперь Гуннора вновь стала маленькой девочкой, которой хотелось, чтобы отец обнял ее, а мать дала мудрый совет. Хотелось на родину.

«Нам и там жилось неплохо, и зачем мы только уехали? Да, иногда нам было холодно, но мне и теперь холодно. Да, иногда мы голодали, но там не было христиан, которые хотели нас убить».

Гуннора прислонилась к стволу дерева и спрятала лицо в ладонях. Жизнь на родине была простой, но мирной. Коннозаводчики и крестьяне, охотники и рыбаки... у всех всего было поровну, когда выдавались удачные годы и когда выдавались неудачные. Обычно всего не хватало. Однажды урожай был настолько мал, что выпустили закон, в соответствии с которым из ячменя разрешалось только печь хлеб, но не делать пиво. Однако мужчины, в первую очередь ее отец, не желали отказываться от спиртного. Они смешивали пиво с ухой или отваром коры деревьев, добавляли туда овощи и ели эту странную похлебку вместо хлеба.

В животе у Гунноры заурчало. Тут не было ни пива, ни хлеба. В лучшем случае ей удастся найти орехи, грибы и ягоды. Девушка опустила руки.

Земля была коричневой и сочной, мох – зеленым и влажным, но она не могла отыскать здесь ничего съедобного. Кроме того, Гуннора была не в силах отделаться от ощущения, что здешние земли прокляты. Они обгажены кровью. Она больше никогда не почувствует себя в безопасности в Нормандии. Этой стране не суждено стать ее новой родиной.

Гуннора подобрала платье, спряталась в кусты и прислушалась. Усеянные шипами ветки цеплялись за ее платье.

Гуннора посмотрела на свою одежду и увидела следы крови на сарафане, булавке, удерживавшей накидку, и двух овальных брошек, соединявших бретельки сарафана с лифом.

Ей хотелось поесть и согреться, а главное – вымыться. Но девушка держала себя в руках, не обращала внимания на кровь, старательно прислушивалась. Не треснет ли ветка под сапогом? Не послышатся ли голоса?

Какое-то время она слышала свое неровное дыхание, шелест листьев и пение птиц, но затем до нее донеслись голоса убийц.

– Это были женщины... девушки. Они где-то спрятались. Нам нужно поймать их... Они все видели... смогут донести на нас...

И вновь послышался топот и ржание коней. Еще ничего не было видно, но Гунноре показалось, что она чувствует на себе взгляды этих мужчин. Взгляд того христианина...

Она знала, что нужно стоять спокойно, нужно представить себе руну, дающую защиту. Нарисовать эту руну на земле, отогнать ею убийц. Но в голове было пусто, она позабыла о своем плане отвлечь этих людей от своих сестер. И девушка бросилась бежать – быстро и шумно. Слишком шумно.

Пробравшись через очередные заросли кустарника, она оказалась на другой поляне. А убийца уже поджидал ее там.

При дворе герцога Ричарда в Руане в этот день многие перешептывались по углам. Альруна вновь прижалась ухом к двери. Мать часто упрекала ее за такое поведение, говорила, что подслушивать – это плохо, но в то же время она утверждала, что знание дарует власть. Альруна была убеждена в том, что знание получить не так-то просто, нельзя задать кому-то вопрос и надеяться найти ответ. Иногда приходилось добывать знание обманом, как вор добывает на рынке свежее красное яблоко.

– Я волнуюсь из-за герцога, – говорила мать Альруны.

– Он молод. Он справится. – Отец должен был утешить ее, но и в его голосе слышалась тревога.

Они оба служили Ричарду, молодому герцогу Нормандии, и оба были потрясены тем, что ему придется справляться с такой потерей. Альруна была столь же преданна герцогу, как и ее родители, и потому ей было нестерпимо смотреть, как он мучается.

– Ты думаешь, он любил ее? – спросил Арвид.

Альруна не видела мать, но была уверена, что Матильда пожала плечами.

– Кто может заглянуть в чужое сердце? Я знаю лишь одно: пока она была жива, герцог мог рассчитывать на защиту и дружбу ее брата. Но теперь...

Они говорили об Эмме, дочери Гуго Великого и сестре Гуго Капета, правителя Франции, герцогства, граничащего с Нормандией. Сколько Альруна себя помнила, Ричард был обручен с Эммой, и, когда невеста подросла, Гуго пригласил Ричарда в Париж, где после праздничной мессы жених и невеста встретились в первый раз. Альруна не присутствовала на той знаменательной встрече, но потом ей говорили, что Ричард был очарован красотой Эммы. Впрочем, Альруна не особенно верила таким сплетням. Когда Эмма после свадьбы приехала в Руан, Альруна сочла ее серой мышкой, бледной и худосочной. Ей казалось, что такая женщина недостойна занимать место рядом с Ричардом. Но пусть она и не нравилась Альруне, девушка не желала ей смерти, хотя бы потому, что это нанесло такой удар по Ричарду.

– Как ты думаешь, как теперь поступит Гуго? – спросила Матильда.

– Гуго человек ненадежный, как и его отец, об этом все знают. Он уже не сдержал множества своих клятв. Но о Гуго я как раз волнуюсь в последнюю очередь... – Отец принялся расхаживать по комнате. – Ричард не должен замыкаться в своей скорби! Не сейчас!

Альруна отстранилась от двери. Она слишком волновалась за Ричарда и больше не могла оставаться наедине со своими тревогами.

Наверное, на ее лице тоже читалась боль, потому что матери достаточно было лишь мельком взглянуть на нее, чтобы понять настроение дочери.

– Ты наверняка тоже по ней тоскуешь...

Альруне стало стыдно. Матильда была умной женщиной и прекрасно разбиралась в людях, но часто неверно истолковывала чувства своей дочери. Матильде казалось, что Альруна очень привязалась к девушке, при которой состояла камеристкой. На самом деле Альруне вовсе не хотелось прислуживать Эмме, но она не могла отказаться от этой должности, поскольку каждый в их семье обязан был участвовать в жизни герцогского двора: Арвид когда-то был учителем герцога, теперь же стал одним из его ближайших советников, а мать помогала здешнему пономарю вести хозяйство.

– Мне бы так хотелось что-нибудь сделать... – пробормотала Альруна, отгоняя угрызения совести.

Отец погладил ее по голове, пытаясь утешить.

– Боюсь, ты ничего не можешь тут поделывать. Я должен сам поговорить с ним, должен сказать ему, что...

– Это из-за Тибо де Блуа, да? – поспешно перебила его Альруна.

Отец удивленно посмотрел на нее.

– Откуда ты знаешь это имя?

Альруна едва подавила вздох. Отец еще не осознал, что она больше не маленькая девочка, которую можно порадовать костяными погремушками. Ей шестнадцать, она уже взрослая. Было и что-то хорошее в том, что ей пришлось провести столько времени с Эммой, – Альруна многое узнала о прошлом Нормандии и политике. Она запомнила имена многих врагов, угрожавших власти Ричарда, многих завистников в королевстве франков, которые считали герцога Нормандии пиратом, поскольку он был потомком жестоких язычников-северян. Одним из таких людей и был Тибо де Блуа по прозвищу Плут, герцог Шартра и Блуа и брат графа Шампани.

Да, Альруна запомнила все эти имена и титулы и знала, что Тибо постоянно совершал набеги в Нормандию. Король Западно-Франкского королевства Лотарь не осудил его за это – напротив, он слушал нашептывания Тибо и верил его словам о том, что королю стоит самому завоевать Нормандию. Впрочем, Лотарь не представлял опасности, он был слишком молод. А вот Гуго, брат Эммы, мог поддаться искушению когда-нибудь надеть корону франков, а потом и Нормандии.

Она изложила все это отцу, закончив свою пламенную речь словами:

– Ричард должен оставаться настороже, теперь, когда Эмма умерла. Если бы Гуго Великий был еще жив, можно было бы рассчитывать на его защиту, но его сын не столь дружелюбно относится к Ричарду, к тому же наш герцог ему больше не деверь.

Вначале на лице Арвида отразилось изумление, затем проступила тревога, но на этот раз не из-за герцога Ричарда.

– Ты не должна интересоваться такими вопросами, – растерянно пробормотал он.

– Почему? Потому что она женщина? – вмешалась Матильда, опередив дочь.

– Нет, потому что она еще маленькая.

Альруна вскинула подбородок. Она ненавидела, когда ее обсуждали так, словно ее нет в комнате.

– Дайте мне поговорить с Ричардом! – потребовала она.

Хотя мать и поддержала ее, теперь Матильда взирала на дочь с удивлением.

– Но...

– Он охвачен скорбью и не видит, как развивается ситуация, – поспешно продолжила Альруна. – Поэтому вы и беспокоитесь, верно? Поэтому ты хочешь поговорить с ним, да, папа? Я могла бы добиться большего успеха – именно потому, что я женщина и еще очень молода!

Арвид недовольно нахмурился, но прежде чем он успел что-то сказать, Матильда опустила ладонь на плечо дочери.

– Это неплохое предложение. У герцога особенные отношения с Альруной, и, может быть, как раз ей удастся изгнать тьму из его сердца.

Чуть позже Альруна предстала перед Ричардом.

– Ах, Альруна, – вздохнул он.

Герцог выглядел старше, он исхудал и ссутулился, и это зрелище не только больно ранило Альруну, но и разожгло в ней гнев. Ричард не должен был опускать руки! Подда-

ваться тоске могли его советники, ее отец, но не он, ее герой, всегда такой веселый и сильный! Он не должен был вздыхать, качать головой, отказывать ей!

Альруна предложила ему отправиться на конную прогулку, но это не вызвало у него никакого отклика.

– Ну прошу тебя, – стояла на своем девушка. – Ты же любишь кататься верхом, это пойдет тебе на пользу!

– Но ты же боишься лошадей.

Как и всегда, в его голосе звучала беззлобная насмешка. Он часто разговаривал с ней так, будто она еще маленькая, улыбался и подмигивал ей. Когда они были детьми, то часто играли вместе. Альруна же хотела, чтобы он воспринимал ее всерьез и больше не считал ребенком!

– Я уже давно их не боюсь! – запальчиво воскликнула она.

Это была наглая ложь – больше всего на свете Альруна боялась боевых скакунов, которые привыкли возить на себе воинов, но не женщин. Ричард вырос на спине лошади, он научился ездить верхом в возрасте четырех лет. Она же была намного старше, когда впервые села в седло, – и это понравилось ей намного меньше, чем ему.

Но Альруна не подала виду, что ей страшно.

– Пришло время тебе выйти в мир живых! – воскликнула она.

Если не ее слова, то ее взгляд уж точно позволил девушке добиться своего.

Он больше не улыбался, не подмигивал ей.

– Ну, раз ты так говоришь...

Сердце Альруны беспокойно стучало в груди, когда они вместе вышли из покоев. Несколько лет назад Ричард приказал отремонтировать герцогский замок в Руане, тогда-то и была построена эта башня. Ее окна выходили на юго-запад. Поскольку Руан был столицей герцогства, Ричард проводил в своем замке много времени. Обычно он не покидал башню в компании женщины, его сопровождали мужчины, чаще всего – его брат, Рауль д'Иври, рожденный матерью Ричарда, Спротой Бретонской, от одного мельника из города Питр. Поскольку Рауль был сыном простолюдина, он не мог претендовать на герцогство. Из-за этого детство Рауля было намного легче, а характер – жизнерадостнее. Сейчас, в эти недели траура, Ричарду трудно было общаться с братом-весельчаком. Альруна была уверена, что Ричард считает, будто она сможет лучше его понять, – не зря он всегда посмеивался над ее предельной серьезностью.

Вскоре лошадей уже оседлали, и нескольким воинам приказали сопровождать герцога на прогулке, но держаться на некотором расстоянии. Ричард никогда не выезжал из замка один, его всегда охранял небольшой отряд молодых людей, живших при дворе и обучавшихся ремеслу воина. Вначале Альруну это смущало, но когда они съехали с тракта и поскакали по полю, все ее внимание сосредоточилось на том, чтобы удержаться в седле и не вызвать смех окружающих. Кони воинов были закованы в пластинчатые доспехи, защищавшие грудь и живот скакунов, но на лошади Альруны было только седло со стременами, и ей все казалось, что оно вот-вот съедет в сторону. Альруна отчаянно боялась упасть на землю.

– И все-таки ты боишься, – поддразнил ее Ричард. – Ну же, со мной тебе не нужно притворяться.

Альруна не ответила на это замечание.

– Ты тоже можешь быть откровенен со мной, – с серьезным видом сказала она. – Я знаю, почему ты прячешься в своей башне. Не из-за скорби по Эмме, как ты говоришь всему миру. Ты не любил ее, тебе просто нравилось жить с ней. Пока она была твоей женой, ты чувствовал себя в безопасности, считался франком, и никто не упоминал о том, что ты потомок неотесанных северян. Эмма заставила весь мир позабыть о наследии твоей крови. Но

теперь твои попытки стать одним из франков оказались тщетными. – Вначале девушка смущалась, но затем говорила все решительнее.

Может быть, она зашла в разговоре слишком далеко, но это мгновение было чересчур ценным, чтобы замалчивать мысли, преследовавшие ее уже много дней.

На лице Ричарда читалось изумление, но он не отводил взгляда и не пытался перебить свою спутницу.

Только когда Альруна договорила, герцог пробормотал:

– Сколько я себя помню, мне угрожали враги. Моего отца убили, еще ребенком я много месяцев провел в плену. Слишком уж часто все складывалось так, что я мог потерять Нормандию, а то и собственную жизнь.

Эмма кивнула.

– Король Людовик, Гуго Великий, король Оттон, граф Фландрии Арнульф... – Она называла имена людей, по чьей вине Ричард провел столько бессонных ночей.

Альруна сама еще помнила нападение войск Оттона на Нормандию, когда Руан едва не пал и Ричарду удалось одержать победу лишь благодаря хитрости. Тогда он собственноручно обезглавил племянника короля, и его войска разбежались. Альруна украдкой взглянула на руки Ричарда, красивые, с тонкими длинными пальцами, и такие сильные. Она не могла себе представить, как эти руки лишили кого-то жизни, не хотела думать об этом. Нет, пусть эти пальцы ласкают ее, нежно касаются ее лица. Как же ей хотелось этого! И как она заливалась краской при одной мысли об этом!

– Ну, сейчас ты, похоже, думаешь вовсе не о моих врагах, – насмешливо отметил Ричард.

Почувствовав себя застигнутой врасплох, девушка поспешно перевела взгляд на его лицо. Оно было таким родным, таким знакомым, и все равно ей не надоедало любоваться им, высекать в памяти его точеные черты, а также заплетенные в косу длинные волосы, тщательно подстриженную бороду, голубые глаза. Он был столь статным, столь мужественным, столь величественным...

– Невзирая на всех этих врагов, ты всегда оставался сильным. Не зря же тебя называют Ричардом Бесстрашным! – пылко воскликнула она. – Ты потерял Эмму, но не свою отвагу!

Герцог больше не улыбался.

– Понимаешь, может быть, ты ошибаешься. Может быть, весь мир ошибается. Иногда... мне страшно.

Он так произнес эти слова, будто они могли опалить его губы.

– Но в этом нет ничего плохого! Тебе просто нельзя выказывать этот страх! Это твоя тайна... наша тайна...

– И, похоже, ты умеешь хранить такие тайны.

Как легко ей было кивнуть! Как легко довериться ему, рассказать то, что она не решалась поведать никому. Но прежде чем девушка успела что-либо произнести, в кустах послышался какой-то шорох. Альруна испуганно вздрогнула.

– Это же не медведь, правда? – взволнованно воскликнула она.

– А если и медведь... Я убью его, прежде чем он сумеет тебе навредить.

И вновь она взглянула на его руки, не веря в то, что Ричард может пролить чью-то кровь.

– Он так несчастлив со своей женой... – пробормотал Ричард.

Разговор о медведях напомнил ему о брате – как-то на охоте в лесу Рауль убил огромного зверя, и с тех пор его в шутку называли Грозой Медведей. Альруна сглотнула. Весь двор судачил о супруге Рауля Эрментруде, которая отравляла ему жизнь, как могла. Как же несправедлива судьба – Рауль вынужден был влачить безрадостное существование в неудачном браке, а Ричард остался вдовцом, хотя у них с Эммой и были хорошие отношения. И

как несправедливо, что этот шорох не позволил Альруне рассказать о самом сокровенном, а теперь подходящий момент был уже упущен!

– Мне так жаль, – прошептала она. – Я не о том, что Рауль несчастлив в браке... Жаль, что с тобой такое случилось.

– Не жалей. – Герцог махнул рукой. – Ты стараешься приободрить меня, отвлечь. И нет твоей вины в том, что я несчастлив. Напротив, ты...

Ричард осекся. И хотя в кустах уже перестали шуршать, дальше они не поехали.

– Да?

– Ты так добра ко мне, – пробормотал он. – И я так люблю тебя...

Ее мир остановился.

– Люблю тебя как сестру...

Ее мир пошатнулся.

«Я тоже люблю тебя, – подумала она. – Я всегда любила тебя, еще ребенком, я выросла с этой любовью, и она изменилась. Это больше не любовь сестры к брату».

Альруна улыбнулась, но на глазах у нее выступили слезы. Ричард не заметил этого – он уже пришпорил коня.

Когда они отправились в обратный путь, Альруна все еще улыбалась. Она улыбалась, потому что Ричард был рядом, и девушка не хотела показывать ему, насколько ее задела его слова. Ее улыбка стала еще шире, когда она увидела мать, ждущую их во дворе. Альруна не желала показывать, сколько в ней боли, как отчаянно бьется сердце в ее груди.

Ричарда можно было обмануть, Матильду нет.

Едва Альруна отдала свою лошадь конюху, а герцог удалился в башню, Матильда увлекла дочь за собой. Девушка повиновалась.

– Похоже, герцогу стало немного легче, – отметила Матильда.

Альруна кивнула.

– А вот ты, напротив, грустила.

Мать обняла ее за плечи, но девушка упрямо высвободилась.

– Почему вы все думаете, что я тоскую по Эмме? Мы с ней никогда не были близки!

Альруна еще ни разу не выходила из себя, но мать не была удивлена ее поведением.

– Ты не тоскуешь по Эмме, – тихо сказала Матильда. – И я это прекрасно понимаю. Твоя грусть – не из-за смерти... а из-за любви.

Альруна не знала, что ей ответить на это. Как она может обманывать мать? Матильда была так умна, жизнь ее не пощадила, но женщина выдержала все испытания, стала только сильнее. Так что же ей сказать? А вот Альруна, похоже, не могла принять свое испытание.

– Я любила его, сколько себя помню, – прошептала она.

Матильда задумчиво кивнула.

– Понимаешь, это-то меня и тревожит. Ты всегда его любила.

Альруна удивленно уставилась на нее.

– И что это значит? – резко осведомилась она, из упрямства стараясь скрыть свое смятение.

– Что ты не должна оказаться просто веточкой на его могучем древе жизни, иначе ты зачахнешь.

– То есть ты не думаешь, что он мог бы тоже полюбить меня?

Матильда вздохнула.

– Возможно, он действительно скорбел по Эмме, но это чувство не было столь уж глубоким. Проблема не в том, что он не может полюбить тебя. Проблема в том, что он любит слишком многих.

Альруна промолчала. Ей хотелось бы что-то возразить на это, но она не хуже матери знала, что покойная Эмма не была ее единственной соперницей. Брак не помешал Ричарду

содержать многочисленных любовниц, занимавших целый дом при дворе герцога. Некоторые из них уже родили ему внебрачных детей – сына Жоффри и дочь Беатрис, а если верить слухам, то скоро родятся и новые.

Матильда заглянула дочери в глаза.

– Не забывай, у тебя с Ричардом особые отношения, Альруна, не такие, как у всех остальных. И поскольку вас связывает многолетняя дружба, в его любви к тебе не может быть страсти. Удовлетворись этим, потому что ничего более ты не получишь. А если получишь, это лишь сделает тебя несчастной.

– Я не хочу, чтобы он любил меня как сестру.

– В этом нет ничего плохого.

Но для Альруны слова герцога стали смертным приговором. Все в ее душе противилось этому, и теперь девушке предстояло положиться на свое знаменитое упрямство не в том, чтобы преодолеть страх, но чтобы справиться с острой болью.

– Я вам всем покажу! – прошептала она.

Альруна сбежала, прежде чем мать успела что-либо возразить. Матильда не стала ее задерживать, лишь с тревогой посмотрела дочери вслед. Альруна чувствовала ее взгляд, ее любовь... ее сострадание. Девушка досадливо поморщилась. Сострадание – яд не лучше безответной любви. Нет, она этого не стерпит, она плюнет судьбе в лицо, увидит, как злость разъедает ее недоброжелателей, и тогда она позабудет, как ее сердечко разрывалось от боли.

Она не замрет от муки, вступит в беспощадный бой с самой собой, пока весь мир не увидит, что страдания только сделали ее сильнее. И что бы ни говорила ее мать, она не веточка на древе жизни Ричарда. У нее свое древо жизни, пышное, высокое, могучее. Ах, если бы только Ричард увидел это древо, полил его корни, и тогда бы на ветвях распустились почки и дерево бы расцвело. Ах, как прекрасны были бы его цветы!

Альруна прошла по задымленному коридору наверх, в башню Ричарда. Здесь все было серым, ни следа роскоши. На верхней ступеньке стоял какой-то мужчина, и Альруне показалось, что это Ричард, но затем она узнала его младшего брата Рауля. Он был ненамного старше ее самой, и от Ричарда его отделяла половина жизни, но жизнь его потрепала, и его шутки были злыми, как у старика. Конечно, Рауль слыл весельчаком, легко принимал удары судьбы, и из-за своего несчастного брака осознал, что судьба не всегда бывает к нам благосклонна, особенно к тем, кто верит в себя и относится ко всему легкомысленно.

– Что ты с ним такое сотворила? – со смехом воскликнул Рауль.

Альруна остановилась. Она не знала, что он имеет в виду. Собственно, возможно, он хотел поблагодарить девушку за то, что она позволила Ричарду немного развеяться, но смех Рауля звучал слишком уж глухо, в нем не слышалось радости.

Она взглянула на закрытую дверь и вдруг поняла, как Ричард мог бы избавиться от тоски. И этот способ несколько не помог бы им сблизиться.

Она протиснулась мимо Рауля, помедлила, но затем, непоколебимая в своем решении стойко принимать любые горести, приоткрыла дверь, заглянула внутрь и тут же отшатнулась.

Рауль уже не смеялся. Улыбаясь, он погладил Альруну по руке.

– Отличная идея – отвезти его на конную прогулку в лес. Он всегда любил ездить верхом. Сложно поверить в то, как эта прогулка пробудила в нем жажду жизни. И не только.

В такие моменты Ричарду не хотелось пить эль или есть жаркое, нет, он звал к себе кого-то из своих любовниц. Они все выглядели и вели себя по-разному – светловолосые и брюнетки, пышки и худощавые, кокетки и скромницы. Но все они желали нравиться герцогу. Впрочем, для этого не требовалось особых усилий – знай раздвигай ножки.

Вот и на этот раз Ричард забавлялся с очередной девушкой. Он едва приспустил штаны, даже не позаботившись о том, чтобы раздеться. Альруне это показалось особенно обидным... и унижительным.

Она сжала кулаки, и ногти врезались в ладонь. С вызовом посмотрев на Рауля, она улыбнулась и пошла вниз по лестнице. И только выйдя из башни, она в отчаянии опустила на колени и расплакалась.

Гуннора смотрела на мужчину, убившего ее родителей, и ничего не чувствовала. Не было ни страха смерти, ни печали, ни тревоги за сестер, ни тоски по родине, ни воспоминаний о столь короткой жизни. Она ничего не чувствовала, потому что этого и хотела. Ее взгляд упал на крест на его груди – темный, обгаренный кровью, и на ум девушке пришла руна, которую она могла противопоставить этому символу.

«Иса».

Руна, обозначающая лед. Она символизировала тишину и холод, ожидание и смирение – а если ее использовали, чтобы проклясть кого-то, «иса» ослабляла действие других рун, тупила мечи и убивала чувства.

Именно этого Гуннора и добивалась. Она ничего не могла поделать с нападавшим, не могла противиться, когда он наставил на нее оружие, не могла избежать его хватки. Но девушка могла опередить этого убийцу, могла уничтожить все чувства в своей душе, оставив лишь безжизненную оболочку. Она превратилась в лед, точно такой же, как у них на родине. Там они танцевали на льду зимой, сжимая в руках костяные украшения. Лед замедлял все движения, и тот, кто хотел одолеть холод, рисковал провалиться в уснувшую на зиму воду.

Мужчина помедлил. Похоже, его потрясло то, что Гуннора вела себя не так, как другие его жертвы. Она не бежала и взидала на него совершенно спокойно. Только сейчас Гуннора заметила, что он один. Другие мужчины отправились прочесывать лес – и этот остался в одиночестве не потому, что стеснялся убивать своих жертв у кого-то на глазах, но потому, что нужно было найти ее сестер.

Ее самообладание начало отказывать. Нападавший улыбнулся, почуввав ее страх. Должно быть, так улыбается паук, наблюдая за своей жертвой, готовясь высосать ее досуха.

Гуннора сжала руки в кулаки.

«Ты не получишь мою кровь, только воду, бесцветную и холодную, как лед. Ты не знаешь, как меня зовут, поэтому убьешь не меня, а какую-то безымянную девушку, одну из многих».

Но нападавший медлил, не спешил убивать ее.

Походкой хищного зверя он подобрался поближе, напряженный, выжидающий... вожделеющий.

Только теперь Гуннора поняла, что ему нужно. Он не просто хотел убить ее, но и насладиться этим. Быстрая смерть от меча его не устроит. Прежде чем убить, он ее изнасилует, услышит ее крик, будет ее пытаться.

И вновь лед дал трещину. Да, лед был прочным и холодным, но и он мог проломиться. Утонуть в ледяной воде – плохая смерть, в ней нет ничего героического. Как нет ничего героического в том, что она ничего не чувствует, не пытается бежать, не сражается с ним,

просто смотрит на него. Это равнодушные старухи – слабой, седой, морщинистой. Не такой Гуннора хотела умереть.

Убийца ее родителей подошел поближе, дотронулся до ее лица, и лед растаял. Девушка завопила. Она надсаживалась, зовя на помощь, призывала кару богов на его голову, впрочем не надеясь, что ее вопль кто-нибудь услышит или что боги отомстят этому человеку за его злодеяния. Она понимала все это, но все равно кричала. Гуннора не хотела умереть в тишине, не хотела беззвучно последовать за своими родителями в царство Хель, она хотела оставить след на лесной тропе, хотела, чтобы ее лицо оцарапали не ногти нападавшего, а ветви деревьев.

Ей не удалось далеко уйти. Гуннора резко развернулась и помчалась прочь, так что нападавший на мгновение оторопел и его пальцы схватили лишь воздух, но она слышала его шаги за спиной, слышала его дыхание, горячее и похотливое, слышала, как деревянный крест бьется о кольчугу.

Сейчас он вновь схватит ее. И он уже не удовлетворится одним прикосновением к ее лицу.

Гуннора оступилась и упала на землю. Она почувствовала вкус влажной земли на губах, резко повернулась и вскочила. Девушка ожидала, что убийца уже близко, но, сплюнув землю, она увидела, что он лежит на земле.

– Быстрее, бежим отсюда! Скорей!

Гуннора услышала незнакомый голос, но не могла понять, откуда он доносится. Слезы навернулись ей на глаза, но это были лишь слезы, не кровь.

«Он не увидит мою кровь, – снова подумала она. – Да, я перепачкалась в земле, но я цела, я жива, не обесчещена...»

– Бежим!

Он говорил на наречии франков – языке, которому ее научил отец. Человеку, разводившему коней, нужно было знать как можно больше языков, чтобы торговаться с покупателями, и когда отец принял решение об отплытии из Дании, он начал обучать дочерей здешнему языку.

Зашелестели листья, и Гуннора увидела за деревьями звавшего ее мужчину. Он был ниже ростом и более худощавым, чем напавший на нее франк. Грубая шерстяная рубашка, льняные штаны, белая куртка, тупоносые сапоги, перемотанные кожаными ремнями, на поясе – небольшой нож, на плечах – засаленная накидка из шкурок выдры: похоже, спаситель Гунноры был небогат, к тому же у него не было ни меча, ни лошади. Он не был одним из тех воинов, одним из убийц.

– Кто ты? – хрипло спросила Гуннора.

Он схватил ее за руку и потянул прочь.

– Как ты заставил его упасть?

– Это не он сделал, а я, – донеслось сбоку. – Я ударила его палкой по голове.

Повернувшись, Гуннора увидела Сейнфреду. От былой белизны не осталось и следа – даже белокурые волосы девушки были перемазаны землей. Младшие сестрички цеплялись за ее юбку.

– Почему ты вернулась? – возмутилась Гуннора. – Я же сказала, что тебе нужно спасать сестер!

– Если бы я так и сделала, ты была бы мертва. Мы нашли Замо, он не только согласился отыскать тебя, но и вызвался помочь нам в дальнейшем.

Значит, этого франка звали Замо.

– Поторопитесь! – вновь позвал он.

Гунноре о многом хотелось его спросить, но при взгляде на потерявшего сознание христианина она поняла, что с вопросами следует подождать. Поспешно подхватив Дювелину на руки, она побежала за остальными.

– А тут, в лесу, не живут медведи и волки? – испуганно спросила Вивея. – Я их боюсь!

«Как после всего увиденного она еще не поняла, что есть вещи смертоноснее когтей и клыков? Мечи, например», – подумала Гуннора.

– Этот лес – дом Замо, – успокоила ее Сейнфреда. – А он нас спас.

Гуннора оглянулась. Христианина уже не было видно, но радоваться рано. Наверное, он потерял сознание ненадолго, не могла же Сейнфреда убить его. И как только он придет в себя, то пустится в погоню за ними.

Видимо, та же мысль пришла и в голову Замо.

– Быстрее! – хрипло воскликнул он и помчался по лесу.

Похоже, Сейнфреда доверяла ему – в отличие от Гунноры. На его лице не было ни следа сострадания или заботы, только упрямство и немного подозрительности, а на такие черты нельзя делать ставку, если речь идет о жизни сестер. Может быть, Гуннора и несправедлива к нему, может быть, он хороший человек, но девушка не могла этого разглядеть, ведь ее сердце ослепло после всех ужасов этого дня.

Они все бежали и бежали, перепрыгивали через корни деревьев, пробирались под ветками.

В какой-то момент они остановились, и Гуннора наконец-то оторвала взгляд от тропинки и посмотрела на небо, проглядывавшее за кронами деревьев.

«Я хочу быть такой, как ты, солнышко, – думала она. – Твои лучи освещали многие ужасы этого мира, но ты не тосковало, твой жар осушал слезы, едва выступившие на глазах. Я хочу быть такой, как ты, луна. Ночь – сестра молчания, а невысказанное покрывает пелена забвения, темная и тяжелая, словно сон. Я хочу быть такой, как вы, звезды. Вас окружает тьма, но не поглощает вас, и только приближение зари заставляет вас скрыться с небосклона, но и ей вы противитесь, раните восходящее солнце своими лучами, и оно становится кроваво-красным».

Однако Гуннора знала, что никогда ей не стать такой. Не было спасения в небесах, она стала изгнанницей на этой земле. Тут она никогда не забудет, что случилось в этот день. Никогда не прекратятся ее страдания, и всегда ее сердце будет истекать кровью от нанесенной сегодня раны.

Фекан

996 год

Агнессу все еще немного знобило. И почему она не осталась у постели умирающего герцога? Скучала бы там, ждала его смерти... Это было бы не столь страшно, как тайна, о которой говорили эти два монаха.

Тайна герцогини, хранившей какие-то записи. Тайна, угрожавшая будущему Нормандии.

Не может такого случиться, чтобы Нормандии не стало!

Агнесса не знала другой родины, не ведала другой жизни. Конечно, ей с самого детства рассказывали, что воцарившийся теперь мир шаток, он достался герцогу дорогой ценой, и в прошлом его правлению часто угрожали. У герцога было много врагов, но он пережил их всех, и его сын станет достойным наследником. Да, мир все еще оставался опасным, и дед Агнессы, умерший несколько лет назад, иногда рассказывал ей страшные истории о голоде, войнах, грабежах. Но все это казалось ей жутковатой сказкой, и истории скорее забавляли девочку, чем пугали. Иногда они даже казались ей смешными. Дедушка был старым, а старые люди часто немного странные и вечно всем недовольны.

Брат Реми был еще не стар, но тоже выглядел достаточно недовольным. А главное, злым. Мать Агнессы рассказывала ей, что раньше он жил в аббатстве Ключи, прежде чем перебраться в Мон-Сен-Мишель. На аббатство напали сарацины, захватили монастырь, и монахам пришлось побираться по всему королевству, чтобы собрать деньги на выкуп. Но приходилось ли брату Реми самому сталкиваться с одним из этих захватчиков, чьи лица, по слухам, были столь же черны, как их души? И что с этими душами происходило в преисподней, ведь ничто уже не могло изменить их? Что могло быть темнее их черноты?

Агнесса мотнула головой, отгоняя эти мысли. Сарацины не представляли угрозы для Фекана, в отличие от этих двух монахов. Те не стали возвращаться в комнату к умирающему герцогу, а прошли мимо стражи и других церковников и поднялись по лестнице. Агнесса последовала за ними. Она даже не удивилась, увидев, что они направились в покои герцогини. Монахи оглянулись и вошли внутрь.

Как они смели! Сама Агнесса часто бывала там, поскольку герцогиня была близкой подругой ее матери и относилась к девочке как к племяннице. И все же она никогда не осмелилась бы войти в эту комнату одна, а эти бесстыжие монахи, похоже, совсем не смущались.

Агнесса подобралась ко входу в покои и увидела, что монахи уже стоят в центре комнаты. Помещение на первый взгляд казалось безыскусным, но тут было много красивых вещей. Выложенный камнями камин был оснащен отдельной вытяжкой. Перед ним находилась широкая железная пластина, защищавшая деревянный пол от искр. Окна закрывали плотные шторы, в углу стояла бронзовая жаровня – изящное творение мастеров Востока. С потолка свисали лампы, они почти касались голов монахов. Церковники внимательно осмотрели дубовый стол, перерыли свитки, книги, передвинули письменные принадлежности. Похоже, они ничего не нашли и направились к сундукам в глубине комнаты. Обделив вниманием платяные шкафы, они заинтересовались небольшим сундучком, украшенным слоновой костью.

Брат Реми решительно открыл сундук и достал оттуда какие-то свитки.

– Ну что? – взволнованно спросил брат Уэн.

Реми промолчал, разглядывая их.

– Это тот самый документ? – не унимался второй монах.

Похоже, это были не те свитки. Реми отложил их и принялся просматривать другие бумаги, лежавшие в сундуке.

– Возможно, герцогиня не столь легкомысленна, как ты думаешь, и уничтожила все записи, – пробормотал брат Уэн.

Теперь он уже не казался столь взволнованным, скорее нетерпеливым. Может быть, ему просто хотелось есть.

– Я так не думаю. Ты же слышал, что Дудо Сен-Кантенский сейчас пишет новую хронику, и герцогиня рассказывает ему о событиях прошлого.

Агнесса тоже знала об этом. Дудо вел для герцога документацию и исполнял обязанности капеллана в замке, он был одним из его ближайших советников, но к тому же он был кардинал-деканом Сен-Кантена и славился своей мудростью, любовью к поэзии и великолепным слогом.

– И ты полагаешь... – начал брат Уэн.

– Я не думаю, что женщина может обладать настолько хорошей памятью, – заявил Реми. – Она рассказывает ему все эти подробности, потому что у нее есть соответствующие записи.

– Но она не станет рассказывать ему о своей тайне! Значит, возможно, именно эти свитки она и уничтожила!

Брат Реми что-то неразборчиво пробормотал.

– Мы узнаем об этом наверняка, когда все тут обыщем... – Он склонился над сундуком и вытащил очередные свитки.

Брат Уэн фыркнул. Агнесса видела, что он недоволен.

– Да что такое? – напустился на него брат Реми. Похоже, он тоже пребывал не в лучшем расположении духа. – Чтобы изменить мир, иногда нужно немного попотеть. – Он помолчал. – Ты говорил, что для тебя, как и для меня, важно, чтобы Нормандию вновь присоединили к Западно-Франкскому королевству и чтобы этой страной управлял истинный христианин, а не потомок этих дикарей-норманнов.

Он чуть не осекся, произнеся название племени северян, словно в самом этом слове было что-то дурное.

– Конечно, – согласился брат Уэн и принялся помогать Реми.

Агнессе пришлось взять себя в руки, чтобы не вскрикнуть от ужаса. «...Нормандию вновь присоединили к Западно-Франкскому королевству... потомок этих дикарей-норманнов...»

О господи! Эти монахи не просто хотели навредить герцогине, рассказав всем ее мрачную тайну, нет, они пытались лишить сына герцога права на трон! Хотели уничтожить наследника норманнов! Уничтожить его и эту землю. Ее родину, ее единственную родину!

«Я должна помешать им, – подумала Агнесса. – Я непременно должна помешать им.»

Глава 2

962 год

Агнарр, мужчина, убивший родителей Гунноры, вымыл руки, прежде чем предстать перед своим отцом. Лицо он ополаскивать не стал – капли крови на его подбородке скрывали скудность поросли. Но не скрывали его немного женственные губы. И эти губы дрожали.

Агнарр дрожал от ярости. Девчонке удалось скрыться, потому что его победил безоружный. Спутники нашли его не в седле, смакующим победу, а на четвереньках, стонущим от боли. Сейчас боль утихла, и только шумело в голове, но гнев разгорался с каждым мгновением. И то, что такой же гнев отражался на лице его отца, никак не помогало.

– Ты сошел с ума? – прошипел отец, едва Агнарр вошел в дом. – Ты же знаешь, что нельзя оставлять свидетелей!

Как будто он дурак, который забыл, что ему делать! В последние годы он часто ездил на побережье и убивал переселенцев из северных стран, чтобы посеять раздор. Конечно же, он знал, что свидетели опасны и могут уничтожить их планы, об этом Агнарру не надо было напоминать! Едва сдержавшись, чтобы не выругаться, Агнарр подумал о том, кто же опередил его, кто рассказал отцу о его поражении, кто лишил его возможности добиться благосклонности родителя?

Гуомундр схватил сына за плечо и встряхнул, но бить не стал, хотя Агнарру этого и хотелось бы. Это означало бы, что отец потерял самообладание, а он так никогда не поступал... Как и эта черноволосая датчанка. Она не плакала, не молила сохранить ей жизнь...

– Я все улажу, – поспешно заверил отца Агнарр. – Я прочешу лес до самого Руана, если понадобится. Или даже до Эвре. Эта девчонка одна, а ей не выжить самой.

– Но кто-то же тебя побил, значит, она не одна.

И это Гуомундру тоже рассказали?

– И все же я...

– Ничего ты не сделаешь! Дурак! Если эта бабенка тебя узнала... Если из-за нее весь мир узнает, что это мы убиваем переселенцев с Севера... Если люди перестанут верить в те слухи, которые мы распускаем уже столько лет...

Гуомундр замолчал.

Тогда все было зря.

Тогда их намерение сбросить с трона герцога Ричарда и посадить на его место Гуомундра пойдет прахом.

Агнарр открыл рот, но ничего не сказал. Кровь на его лице вдруг показалась ему липкой. Она больше не была знаком его отваги. Все-таки следовало умыться.

Отец отпустил его. Во взгляде Гуомундра читалось отвращение.

«Ты отправляешь меня резать их, – подумал Агнарр. – Я должен превратиться в дикого зверя... Но когда я предстаю перед тобой, ты презираешь меня за это, хочешь видеть хитроумного интригана, а не воина, жаждущего крови и наслаждающегося мучениями».

– Прочь с глаз моих! – буркнул Гуомундр.

Он говорил тихо, никогда не повышал голос, как Агнарр, никогда не терял выдержку, как его сын.

Откуда у его отца такая сила? Откуда такая сила у той датчанки? Почему им удавалось противиться судьбе – судьбе, заставлявшей всех идти в бой, и убийцу и жертву, и сильного и слабого, и господина и раба? Судьбе, радовавшейся как победам, так и поражениям своих игрушек? Как отцу и той датчанке удавалось держаться в стороне и наблюдать за происходящим, точно их это не касалось?

– С чего бы это, собственно? – осведомился Агнарр.

– Что?

Агнарр смотрел на отца. Парень был одет в кольчугу, на поясе висел меч, а вот Гуомундр был одет в рубашку и штаны. Доспехи были очень дорогими, их обычно не носили, если не собирались вступить в бой.

– Почему я должен позволять тебе насмеяться надо мной? – прошептал Агнарр. – Почему я должен позволять тебе укорять меня?

Глаза Гуомундра широко распахнулись, и Агнарр не знал, что увидел в них – презрение или страх? Он оглянулся. Они остались в доме одни, их воины сейчас были на улице, пьянствовали и жарили мясо на костре. Они тоже еще не умылись, и их лица были перепачканы кровью.

– Ты ничто без меня, – прорычал Гуомундр.

– Убивать я могу и один, – хрипло произнес Агнарр. – Когда ты отправлялся на дело вместе со мной? Когда было такое, чтобы я марал руки не один? – Он обнажил свой меч.

– Убивать и править – это не одно и то же, – тихо сказал Гуомундр. – То, что ты можешь одно, не означает, что сможешь и другое.

– О нет! Твое главное правило в жизни, помнишь? Кто хочет править другими, должен в первую очередь стать господином самому себе. Не следовать жадности и похоти, не поддаваться опьянению, всегда полагаться на собственный разум! Вот что ты мне всегда говорил. Я не слаб и не глуп, я смогу следовать этому правилу.

– И именно поэтому сейчас ты опустишь свой меч.

Голос Гуомундра прозвучал громче, а может быть, Агнарру так только показалось, поскольку у него перестало звенеть в ушах? Будто вся кровь в его теле больше не кипела, стала густой и холодной...

Его охватило раскаяние, муки совести, страх перед будущим: как он сможет жить без отца? Но Агнарр не опустил меч. Он думал о черноволосяй датчанке. Если слабой женщине удалось совладать со своими чувствами, то что говорить о нем? Он справится с этим мастерски!

– Я сильнее тебя, – холодно произнес Агнарр и занес меч над головой.

– Не смей!

Отец закричал, но его вопль тут же оборвался. Он больше не будет ни кричать, ни шептать – молчание мертвых всегда окончательно и непреложно, какими бы эти люди ни были при жизни.

Голова Гуомундра покатила по полу. Агнарр опустил меч. Юноша застыл на мгновение, а затем вышел из дома и наконец-то смыл кровь и пот с лица. Воины удивленно посмотрели на него, но Агнарр не обращал внимания на их взгляды. И только собственные глаза не давали ему покоя – их отражение смотрело на него из деревянной бадьи, откуда он брал воду. Потрясенный, беспомощный, укоризненный взгляд... Словно это были не его глаза, а чьи-то чужие.

«Отцеубийца», – говорил этот взгляд.

Он зажмурился.

«Победитель, – упрямо подумал он. – Я его одолел».

Только черноволосяю датчанку он одолеть не сумел, и она все еще где-то пряталась. Агнарр открыл глаза, теперь в его взгляде уже не было вины, только смятение...

Он вспомнил, как был совсем еще мальцом, полностью преданным отцу. Они прибыли в эту страну с датским войском во главе с Харальдом Синезубым. Они должны были отстоять правление Ричарда и прогнать с этих земель короля франков, вторгнувшегося в Нормандию. Харальд одержал победу, но герцог не отблагодарил их, как полагается: к датчанам-язычникам все еще относились с недоверием и не ставили их на ключевые посты в герцогстве.

Агнарр опустил ладони в воду. Он больше не хотел смотреть на свое лицо, не хотел думать о Ричарде, о ненависти к герцогу Нормандии, сплотившей его с отцом. Его мысли вновь обратились к черноволосой датчанке... и к Берит, которую она ему напомнила. Они не были похожи, Берит – рыжая и зеленоглазая, с узкими плечами и пышной грудью. И за Берит он не гонялся по лесу, пытаясь убить, он ухаживал за ней, хотел, чтобы она стала его женой. И только когда девушка отказала ему, в Агнарре проснулась ярость. Ночью он напал на ее селение и похитил ее. Но прежде чем он успел взять ее силой, Берит бросилась на меч и истекла кровью. Она предпочла его любви холодное железо.

Агнарр много лет не думал о Берит, но теперь она вновь завладела его мыслями. Он вспоминал ее красоту, ее гордость и отвагу, а главное, ощущение собственного бессилия, когда ей удалось одолеть его.

Он вытащил руки из бадьи, поверхность воды снова разгладилась, и Агнарр успокоился.

Может быть, Берит и смогла ускользнуть от него, но он убил своего отца, и Гуомундр даже не подозревал, что так случится. А эта черноволосая датчанка, поклялся он всем богам, умрет только тогда, когда он этого захочет. И не раньше.

Их шаги замедлились. Молчание словно сковывало их ноги. Сейнфреда слегка смущенно улыбалась Замо – мужчине, спасшему их. Он не отвечал на ее улыбку, но, похоже, это его растрогало. Замо дал им мех, чтобы девушки могли согреться. По-видимому, он собственноручно снимал шкуры с убитых им животных, а потом продавал добычу – в мешке у него оказалось много такого товара, и шкур хватило всем четырем сестрам.

Но Гуннора никак не могла согреться, и ей не нравилась улыбка Сейнфреды. Как ее сестра могла улыбаться, если их родители были мертвы, а сами они очутились совсем одни в чужой стране? Как она могла улыбаться этому мужчине, о котором они ничего не знали? Ну хорошо, они знали его имя, и пока что Замо помогал им. И все же Гуннора надеялась, что за лесом они найдут деревню, где живут другие люди. Не то чтобы она им доверяла, ведь они христиане, как и убийца ее родителей, но тогда девочки хотя бы уже не будут зависеть от одного-единственного человека, а Сейнфреда перестанет ему так улыбаться.

Младшие сестры не улыбались. Вивея тихо плакала, и Гуннора в знак утешения погладила ее по спине.

– Все будет хорошо, – пробормотала она.

Но Гуннора и сама не верила в это, как и Вивея.

– Я ее потеряла! – в отчаянии воскликнула девочка.

– Что? – не поняла Гуннора.

– Мамину цепочку...

Гуннора вдруг ощутила, что не все ее чувства мертвы. Ее охватила злость. Как кроха сейчас может думать об украшениях, когда их родителей убили?! Но потом Гуннора поняла, что легче говорить о потерянной цепочке, чем плакать в отчаянии из-за смерти родителей.

Нести Дювелину становилось все труднее. Они с Сейнфредой по очереди брали младшую из сестричек на руки, и в конце концов девочка уснула, но сестры и сами устали. Заметив это, Замо предложил понести Дювелину. Гуннора помедлила. Руки болели нестерпимо, но отдавать малышку незнакомому человеку ей не хотелось.

– Я детей не обижаю, – проворчал Замо.

Скрепя сердце Гуннора отдала ему ребенка. Дювелина проснулась и заплакала.

– Все в порядке, – пробормотала Гуннора и погладила сестру по голове.

Теперь она все время шла рядом с Замо, пытаясь успокоить Дювелину. Она принялась рассказывать сестре истории, как раньше делал их отец.

Теперь она должна была рассказывать истории вместо Вальрама, теперь она должна была заботиться о сестрах, теперь только она могла сохранить мудрость рун...

– Бог Тор, – рассказывала она, – ездил на огромной бронзовой колеснице, которую тащили два козла. Однажды Тор отправился в странствия, и у него закончился провиант. Он проголодался, убил козлов и зажарил их на костре, а затем вновь возродил их к жизни, чтобы они везли его колесницу, но с тех пор один козел хромал. Тор ел мясо так жадно, что прокусил одну кость.

Дювелина рассмеялась, но Сейнфреда больше не улыбалась. Сестры переглянулись. «Когда мы снова сможем есть мясо?» – думала Сейнфреда. «Когда нам вновь захочется есть?» – думала Гуннора. И если сломанная кость козла не заживает, то что тогда говорить о разбитом сердце?

Ей вспомнилась другая история: об Эгиле, великом чародее, который умел превращаться в волка. Он был силен и могуч, и его нападения на земли британцев приносили победу, но когда умерли его сыновья, Эгиль больше не мог ни есть, ни пить, и умер бы от голода, если бы не его дочь. Вначале она попросила, чтобы он написал поминальную песнь по ее умершим братьям, а затем – стих об их подвигах, и, чтобы справиться с этой задачей, Эгиль начал пить и есть. Он все писал и писал, пока не состарился.

Гуннора знала, что хотя ей и не хочется есть, она все равно будет принимать пищу, чтобы не ослабеть. Не ради себя, но чтобы позаботиться о сестрах и почтить память родителей.

А лес все не кончался, он был огромен, но вдруг впереди показалась какая-то хижина, крытая торфом и березовой корой. Из торфа были сделаны и стены, оплетенные хворостом.

– Я тут живу, – сказал Замо.

Они были в чужой стране, но внутри хижины все выглядело так же, как и на родине. Гуннора закрыла глаза, вдыхая знакомый запах торфа и дерева, дыма и земли. Оглянувшись, она обвела взглядом простую мебель: в центре комнаты стоял длинный стол с двумя лавками – слева и справа. На стенах виднелось множество небольших крючков, на которых висели железные ковши, миски, наперстки и металлический складной нож. Крышу поддерживали балки, установленные на сваях. Гуннора не заметила ни кладовой, ни сарая, зато в дальнем конце комнаты она разглядела несколько соломенных матрасов. Значит, Замо жил здесь не один. В доме было темно, и Гуннора больше никого не видела. Тут не было окон, только небольшие отверстия в стенах, затянутые свиным пузырем, – так жильцы дома защищались от холода и ветра. В печи тлел торф, но этого света не хватало, чтобы разогнать темноту. Над огнем на цепи висел горшок, кроме того, на углях стояли каменные миски, в которых готовилась еда.

Гуннору затошнило от голода, но она не могла заставить себя попросить Замо покормить их. Зато Сейнфреду это не смутило. Более того, она взяла Замо под руку и прижалась к нему. Хотя в комнате и царил полумрак, Гуннора заметила, что мужчина покраснел от смущения.

Гуннору же вновь охватил гнев, но она не подала виду, слишком уж ей хотелось есть. Девушка с аппетитом накинулась на рагу из бобов, тыквы и мяса. В еде чувствовались приправы: кресс, анис и любисток.

Значит, она все-таки чувствовала голод, могла радоваться еде, вот только улыбаться, как Сейнфреде, ей не удавалось. И разговаривать ни с кем не хотелось.

Тем временем Сейнфреда принялась расспрашивать Замо, почему он живет здесь, в лесу.

Он рассказал, что этот лес принадлежит местному лорду, а он присматривает за деревьями, охотится на дичь и докладывает своему господину о тех, кто сюда пробирается.

«А вдруг он расскажет своему лорду о нас?» – испуганно подумала Гуннора. А главное – кто живет здесь кроме него?

И хотя девушка так и не спросила об этом, ответ на этот вопрос она все-таки получила.

– Кого ты там привел?

Дювелина испугалась, услышав громкий голос, и девочку пришлось успокаивать. Чуть позже Гуннора заметила темный силуэт согбенной летами женщины. Незнакомка подошла к печи и заглянула в горшок, проверяя, сколько еды там осталось. Судя по седине в ее волосах и морщинам на лице, она явно не была супругой Замо, скорее его матерью. Гунноре не было до этого дела, но Сейнфреда, похоже, обрадовалась. Она почтительно обратилась к старухе:

– Прости, что побеспокоили тебя... Мы всего лишь девочки... И доверили свою жизнь твоим сыну...

Она вкратце рассказала о резне на берегу. Гунноре это показалось предательством. Только она и сестры имели право горевать по убитым! Они слишком мало знали о Замо. Вдруг он как-то связан с этим? Или его господин?

Старуха уперлась руками в бока.

– Мне все равно, кто вы такие и откуда. Хотите есть – отработайте.

– Разве ты не видишь, что они устали? – вмешался Замо.

Гуннора была потрясена. Значит, он все-таки способен на сочувствие. Не такой уж он и чурбан.

– Пусть спят во дворе, – невозмутимо потребовала старуха.

– Но там слишком холодно, – прорычал Замо.

Гуннора заметила удивление на лице женщины. Похоже, старуха не привыкла, чтобы сын ей перечил. Наверное, столь странное поведение вызвала улыбка Сейнфреды.

Гуннора встала и взяла Дювелину на руки.

– Мы уходим, – объявила она.

Но Сейнфреда преградила ей путь.

– Мы сироты, у нас никого нет. Мы должны остаться тут.

Между ней и сестрой шла такая же борьба, как между Замо и его матерью. Гуннора вновь усадила Дювелину на лавку.

Тем временем Сейнфреда повернулась к старухе.

– Мы отблагодарим тебя за твою доброту и отработаем все, что съедим.

Гуннора знала, что должна поддержать сестру, но ей показалось, что стоит ей открыть рот – и ее вырвет.

Время больше не текло, как река, оно превратилось в стоячее болото, и в следующие недели сестры погрязли в нем. Горе, ужас, страх перед будущим – все это не проходило, и хотя Гуннора ничего не ощущала, она знала, что эти чувства покоятся в глубине ее души и рано или поздно поднимутся на поверхность.

Сейнфреда заглушала боль, улыбаясь и работая не покладая рук. Дювелина и Вивея много плакали, а ночью вскидывались от кошмаров, зовя родителей.

Гуннора не могла спать, но временами ее одолевала усталость. Вместо того чтобы помогать Сейнфреде, когда та пекла хлеб, кормила кур в небольшом сарае за домом, собирала хворост или пряла, Гуннора сидела в тени дерева, прислонившись спиной к его стволу. Когда это дерево только начало расти, ее родители еще не родились... Почему-то ее утешала эта мысль.

Гуннора чувствовала себя спокойнее, когда вырезала на коре руны. Свое имя, имена родителей. Только так она могла почтить их память. В Дании было принято поминать умерших, пить вино на похоронах, но у Гунноры не было такой возможности. Она не могла заказать им надгробный камень и высечь на нем стихи. Она лишь могла сохранить их имена – и эти руны останутся тут если не навсегда, то надолго. Рядом она вырезала имя Тора, моля его сохранить эти руны и проклясть любого, кто захотел бы их разрушить.

Гуннора вспоминала, как умерла ее бабушка. Тогда мать сама высекла на надгробном камне руны – в память о Гуодрун.

Гуннора не знала, как выбивать руны в камне и, подумав об этом, расплакалась. Она столь многого еще не знала, многому ей лишь предстояло научиться, столь многое Гунгильда больше не сможет ей рассказать!

Девушка поспешно отерла слезы. Слез было недостаточно, чтобы справиться с печалью, недостаточно, чтобы очистить воспоминания о залитом кровью берегу, недостаточно, чтобы смыть в море тела мертвых. Будь они в море – и на них не налетели бы стервятники, будь они в море – и они устремились бы по воде на родину.

На этот раз Гуннора вырезала на коре не руну, а корабль. Богатым датчанам устраивали водное погребение, те же, кто не мог себе этого позволить, мастерили из дерева корабли и устанавливали их на могилах. Отец часто говорил, что их народ дома как в море, так и на суше, хотя сам Вальрам предпочитал ездить верхом.

Что ж, у них не было корабля, чтобы вернуться домой, а если бы и был – в Дании не осталось родни, которая приютила бы их.

Гуннора почувствовала, как слезы вновь наворачиваются ей на глаза. Она поспешно сглотнула, встала и ушла в лес. В первые дни она боялась, что тот христианин проследит за ними, но к хижине никто так и не вышел. Замо заверил ее, что тут редко встретишь людей. Крестьяне из окрестных деревень могли собирать в лесу дрова и кормить свиней желудями и корешками, но они редко заходили в чащобу. Местный же лорд иногда выезжал на охоту, но обычно только осенью.

Поэтому в лесу было тихо – ни шагов, ни дыхания, ни разговоров, только шелест листьев, голоса зверей... или духов.

Бродят ли здесь души ее родителей?

– Что же мне делать, мама? Что же мне делать, папа?

Нет ответа. Может быть, души Вальрама и Гунгильды парили над кронами деревьев и не видели ее сквозь густую листву?

И вновь Гуннора вспомнила о похоронах бабушки. Тогда мертвую вынесли из дома не в дверь, а сквозь дыру в стене, которую тут же заделали. Хотя Гунгильда любила мать, она боялась, что усопшая вернется, а благодаря этому ритуалу мертвые не могли найти путь домой. Гуннора не боялась. Обезглавленный отец и залитая кровью мать были не такими страшными, как одиночество. Оно становилось невыносимым, и девушка решила вернуться. Она пошла по собственным следам, оставшимся во влажной земле.

А потом услышала крик.

Это кричала Гильда, мать Замо, пронзительно, визгливо, так что хотелось зажать уши. Подойдя поближе, Гуннора увидела, что на ее крик сбежались Сейнфреда и Замо. Гильда трясла Замо за плечи, и вначале Гунноре показалось, что она ругает его, но когда старуха увидела выходящую из леса девушку, то сразу бросилась к ней.

– Убирайся вон из моего дома! Ведьма! А ты... – Гильда повернулась к Замо, – позаботься о том, чтобы и ноги ее тут не было!

Гуннора не понимала, что так разозлило старуху, но тут на лице Сейнфреды отразился ужас, и девушка повернулась в ту сторону, куда смотрела сестра. Гильда обнаружила руны на дереве.

– Это ведовство! Злые чары! – надсаживалась Гильда. – Мы все погибнем! Ты прокляла нас, прокляла нас всех!

– Глупая баба! – не сдержалась Гуннора. – Эти руны чтят память моих родителей.

– От вас одни беды, я это знала с самого начала! Ты ведьма, а твоя сестра – воровка. Она украла мою брошь!

Сейнфреда уже успокоилась. Но она больше не улыбалась, ее губы дрожали. Девушка повалилась перед Гильдой на колени.

– Умоляю, смилуйся над нами! Я буду работать еще больше, помогу тебе, чем только смогу. Только позволь нам остаться! И скажи, что мне сделать, чтобы ты простила моих сестер?

Гуннора поджала губы. Она очень любила Сейнфреду, но сейчас сестра вызывала в ней презрение. Как она могла так унижаться? Неужели она позабыла, кто она такая? Да, они были простолюдинами, но не рабами. Никто в их семье не занимался грязной работой, не копал торф, не кормил свиней, не трудился в поле! Да, Сейнфреду и тут никто не заставлял этим заниматься, и все же... что может быть хуже, чем молить кого-то о милости? Лучше наесться коровьего дерьма, чем побираться, точно нищенка!

Сейнфреда взглянула на сестру, ожидая, что та попросит прощения, но Гуннора упрямо смотрела перед собой.

«Если ты дотронешься до этих рун, то умрешь, – думала она. – Молот Тора сразит тебя».

Но Гильда не прикоснулась к рунам и не умерла, она все кричала, кричала, пока Гуннора не пошла прочь.

В лесу ее вновь объяло одиночество, но и оно было ей милее, чем эти люди.

Когда через пару часов Гуннора вернулась в хижину, Гильда уже успокоилась. То ли Сейнфреда ее умилостивила, то ли Замо уговорил мать, Гуннора не знала, да и ей было все равно.

Сейнфреда взяла сестру за руку и отвела ее подальше от дома.

– Так дело не пойдет! – решительно заявила она.

– Да, ты права, нам нужно уходить отсюда.

– Уходить? – возмутилась Сейнфреда. – Куда? Как две девушки и двое маленьких детей проживут одни в лесу? Без чистой одежды, без еды, без... будущего?

– Родственники нашего отца...

– Мы о них ничего не знаем и поэтому никогда их не найдем. Мы должны оставаться тут, чтобы выжить. А ты обязана взять себя в руки.

Гуннора потрясенно уставилась на сестру. Она больше не испытывала к Сейнфреде презрения. Откуда эта хрупкая девушка черпала силы, откуда в ней было столько решимости? Ведь это Гуннора, старшая, должна была заботиться о сестрах!

Ее охватил стыд.

– Я выйду замуж за Замо, – объявила Сейнфреда.

Гуннора вздрогнула, ее стыд как рукой сняло.

– Что?! – в ужасе воскликнула она.

– Он хороший человек. – Сейнфреда потупилась. – По крайней мере не плохой. И в такой ситуации стоит ли желать большего? Он уже давно ищет себе жену, но здесь, в лесу, он ее, конечно, не найдет.

– Это он тебе сказал?

– Он о таком не говорит.

– Он вообще ни о чем не говорит. А главное, он молчит, когда нужно заткнуть рот его матери!

– И все-таки он добился того, чтобы мы остались здесь. Не такой уж он слабый и бесполезный.

От боли в груди у Гунноры сперло дыхание. Наверное, так чувствовала себя Гунгильда, когда ее сразил меч того христианина, – беспомощность, бессилие, страх и ярость охватили ее.

«Мало того, что мы все потеряли, – подумала Гуннора. – Мы еще и не можем сблизиться, иначе Сейнфреда никогда не стала бы вступаться за почти незнакомого мужчину».

Гуннора заглянула сестре в глаза.

– Ты не обязана это делать! – настойчиво сказала она. – Я что-нибудь придумаю, я позабочусь о вас. Ты же не хочешь выходить за него замуж, ты только думаешь, что должна так поступить!

Во взгляде Сейнфреды читалась боль. Ну почему они не могли разделить эту боль, почему каждая должна была оставаться со своим горем?

– Нет, – хрипло ответила Сейнфреда, – нет, у нас нет другого выхода.

У Гунноры пересохло во рту. Она знала: если жертву и нужно принести, это должна сделать старшая сестра. Но в то же время Гуннора понимала, что Замо ее не примет. Не она работала все эти недели, не она улыбалась ему. Ее пленил холод руны, она искала утешения у деревьев, а не у своих сестер.

Гуннора обняла сестру, крепко прижала к себе. Какая Сейнфреда худенькая и бледная, какое у нее хрупкое тело и как можно даже представить себе, что вскоре оно будет принадлежать Замо! Гуннора всхлипнула. Ей так хотелось что-то сказать, отругать сестру, умолять ее, но девушка знала, что Сейнфреда уже приняла решение и теперь ничто не сможет переубедить ее. И ничто не сможет скрыть поражение Гунноры. Она не сумела заменить сестрам отца и мать, не сумела избавить их от страданий.

Сейнфреда отстранилась и вошла в дом, и Гуннора осталась во дворе одна.

Альруна любила Ричарда, сколько себя помнила и даже раньше, ведь мы испытываем любовь еще до того, как начинаем думать. Но за любовью неизменно следовала боль.

До сих пор с этой болью можно было мириться, как с легкой головной болью с похмелья. Теперь же боль разрослась, болело все тело. Альруна отдала бы все на свете, чтобы эта боль прекратилась, чтобы она больше не вспоминала, как Ричард развлекается с любовницами! Их стало больше, и они были бесстыднее тех девиц, с которыми Ричард спал до смерти Эммы. Эти любовницы осложняли жизнь матери Альруны, ведь та отвечала за ведение хозяйства при дворе, а наложницы все время приставали к ней с новыми требованиями.

Теперь боль билась в каждой жилке ее тела, покрывала кожу, точно панцирь, душила ее, колола ножом, шевелила паучьими лапками в груди, выпускала свой яд. Боль была огромна, и по сравнению с ней Альруна казалась крошечной, слишком слабой, чтобы жить дальше.

Единственным, что могло сравниться с этой болью, была ярость. И если боль была безмолвна, то ярость терзала девушку вопросами. Почему Ричард улыбается своим любовницам, почему не ей? Почему эти девицы смотрят на нее как на пустое место? Как они смеют так обращаться с ней?

Альруна представляла себе, как вырывает им волосы, царапает кожу, выбивает зубы, наносит им глубокие раны. Так ей легче было справиться со своими страданиями. Но если

бы Альруна и изуродовала их, память о страстных ночах с Ричардом осталась бы их богатством, и эту драгоценность у них не отнимешь. А если бы Ричард отвернулся от них, не захотел бы спать с калеками, то их место заняли бы другие девицы. Всегда были другие. И ей никогда не стать одной из них.

Только благодаря матери Альруна заставляла себя есть и пить. Она не хотела тревожить Матильду, а главное, не хотела терпеть ее жалость и выслушивать ее советы. Впрочем, после того случая Матильда больше не говорила с ней о Ричарде. Но когда Альруна уже решила, что мать позабыла о ее любви к герцогу, Матильда подошла к ней и опустила ладонь ей на плечо. Девушка сидела за прялкой, но не работала, только смотрела прямо перед собой.

– Альруна...

Что-то было в ее голосе, что заставило Альруну поднять голову, что-то в ее взгляде словно говорило: «Я больше не стану мириться с твоими страданиями».

И хотя мать не произнесла ни слова, Альруне захотелось сбросить ее руку с плеча и крикнуть: «Я справлюсь! Я справлюсь, потому что я люблю Ричарда! И я лучше буду страдать, чем откажусь от любви к нему!»

Но прежде чем она успела что-либо сказать, девушка заметила, что мать пришла к ней не одна. Ее сопровождал какой-то мужчина, моложе Ричарда, уже не мальчик, но еще и не убеленный сединами. Он выглядел величаво, но был не столь красив, как Ричард, не столь силен...

Альруна поняла, зачем он пришел, еще до того, как мать произнесла хотя бы слово.

– Это Арфаст... Родственник Осборна де Сенвиля.

Осборн был советником Ричарда, более того, его другом. Когда Ричард был еще ребенком и находился в плену у короля франков, Осборн помог ему сбежать. Его родню не стоило обижать, и Альруна это понимала, хотя сейчас ей больше всего хотелось нагрубить этому Арфасту. Девушка с трудом собралась с мыслями. В конце концов, этот юноша не виноват, что мать пытается использовать его в своих целях. И этот юноша не виноват, что он не Ричард.

И все же... как он смел улыбаться ей? Как он смел подойти так близко? Как смел заговорить с ней?

– Я слышал, нет никого в Руане, кто пряд бы и шил лучше тебя.

Альруна посмотрела на него, уголки ее губ дрогнули. Арфаст принял это за улыбку и просиял в ответ. На лице Матильды проступило облегчение.

– Зачем ты пришел? Тебе нужен новый камзол? Накидка? Или, может быть, сапоги? – холодно осведомилась Альруна.

– Я хотел бы полюбоваться сотканными тобой гобеленами.

И вновь боль провернула в ее сердце острый нож. Ричард никогда не интересовался тем, что Альруна так любила делать.

– С каких это пор мужчину интересуют женские дела? – грубо спросила она.

Но юноша все еще улыбался.

– Твоя мать говорит, что в этих гобеленах сокрыты целые истории. А истории умеют рассказывать и мужчины. Как и слушать.

Альруна не нашлась что возразить.

– Хорошо, я покажу тебе мои гобелены. Но моя мать их все уже видела. Полагаю, она оставит нас наедине, не так ли?

Матильда на это не рассчитывала. Женщина явно не знала, что ей теперь делать.

Девушка ощутила острое злорадство, но это чувство мгновенно улетучилось, когда Матильда вышла из комнаты и Альруна осталась с Арфастом одна. С Арфастом и со своей болью.

Она так и сидела за прялкой, не было сил подняться. Вначале Арфаст терпеливо ждал, но затем с тревогой спросил:

– Что с тобой?

Девушка опомнилась. «Ничего!» – хотелось крикнуть ей. У нее не было ни единого доказательства любви Ричарда – если речь не шла о любви брата к сестре. Ни одного слова, которое можно было бы переосмыслить так, будто Ричард признался ей в любви. Как кузнец кует раскаленное железо, пока не сотворит острый сияющий меч, ей хотелось изменять слова Ричарда, но слов не было. Ничего не было между ними, ничего вечного, как сталь, только трухлявое дерево, готовое раскрошиться от первого прикосновения.

Но этого она не могла сказать Арфасту. Они едва были знакомы. И он был так мил.

– Тебе больше не нужно притворяться, будто тебе интересно, – прошипела Альруна. – Мать тебя не слышит, а я знаю, что такие мужчины, как ты, интересуются только лошадьми и оружием. И ты приехал в Руан, чтобы служить герцогу, а не для того, чтобы нянчиться с какой-то девчонкой!

Если эта грубость и обидела его, Арфаст не подал виду, и хотя Альруна только познакомилась с ним, она сразу поняла, что он – человек веселый, способный озарить своим светом самый хмурый день. И даже оказавшись по уши в грязи, он не станет сетовать на судьбу. Голубизна его глаз напоминала чистую воду – не глубокого моря, а стремительного ручья, струящегося по горному склону.

– Это так, – согласился Арфаст. – Я был пажом при дворе Бернара Датского и прибыл в Руан, чтобы стать воином.

Бернар, как и Осборн де Сенвиль, был ближайшим советником Ричарда.

– Так почему же ты говоришь со мной, а не с герцогом? Почему хочешь любоваться гобеленами, повествующими о подвигах других, а не стремишься сам совершить нечто героическое?

– Ох, поверь мне, я тоже хотел бы поехать в Бове.

– В Бове?

– Ричард недавно отправился туда.

– Я не знала...

Потому что никто не сказал ей. Ричард не сказал ей. Он никогда не обсуждал свои планы с сестренкой... только подшучивал над ней, если был в настроении.

– Да. – Арфаст кивнул. – Бруно Кельнский, архиепископ, пригласил Ричарда на встречу в Бове, и немногие из воинов могли сопровождать его. Меня же не взяли. И хотя я действительно люблю лошадей и оружие, не могу же я целыми днями скакать верхом и фехтовать. Я не хочу быть всего лишь искусным наездником и воином, для меня важно не только тело, но и разум и сердце. А теперь мне можно взглянуть на твои гобелены?

Его прямота обезоруживала, да и Альруна не так уж стремилась прятаться от всего мира. Сидя в одиночестве, она наверняка утонет в море боли, а с этим милым юношей приходилось притворяться. Он был простоват и не замечал ее притворства, а потому можно было и самой поверить в то, что она всего лишь девчонка, готовая похвастать своими творениями.

– Ну хорошо. Пойдем. – И Альруна наконец-то встала из-за прялки.

После беседы с Арфастом Альруна чувствовала себя уставшей, но не такой измученной, как раньше. Она удалилась в спальню, которую делила с другими девушками двора – сестрами и дочерьми воинов и прочих придворных. Эти девочки были слишком благородными, чтобы прислуживать при дворе, и жили во дворце герцога с самого детства.

В последние ночи Альруна часто ворочалась без сна, смотрела на девушек и думала, кто из них окажется достаточно глупой и наглой, чтобы попытаться забраться в постель к Ричарду. Но сегодня ее веки отяжелели и она погрузилась в глубокий сон. В его темном царстве ничто ее не тревожило.

Но к утру пришли сновидения и Альруна вновь заметалась в кровати. Мучившие ее кошмары не были связаны с терзающим ее горем, они пророчили угрозу. Вначале образы были смутными, безликими: Альруна лишь знала, что существует какая-то опасность, но не понимала, от кого она исходит и кому угрожает. А потом в ее сне появился Арфаст и, как и днем, сказал, что Бруно, архиепископ Кельна, пригласил Ричарда в Бове.

Почему это имя так пугало ее?

Ей снилось, что они с Ричардом скачут по лесу, вот только листья на деревьях – кроваво-красные и острые, как ножи. Они тихо позвякивали на ветру. Затем налетел ветер по сильнее и некоторые листья сорвались с веток. Они падали на Ричарда, резали его прекрасное лицо.

О господи!

Альруна ничего не могла поделать. Ее лошадь вдруг исчезла, ноги подкосились, она кричала, но ни звука не слетало с ее уст. Железный листопад продолжался, пока деревья не остались голыми, и среди черных стволов показался Бруно Кельнский. По крайней мере Альруна думала, что это он, – на нем была красная мантия архиепископа и огромный крест на груди. И этот церковник, человек Божий, хохотал, как способен смеяться лишь дьявол.

Альруна изо всех сил старалась остановить этот смех и наконец-то смогла кричать. Она кричала, кричала, кричала, пока не проснулась. Девушка вскинулась в кровати, и кто-то толкнул ее. Она не видела, кто это сделал, да у нее и не было времени разбираться. В ночной рубашке Альруна выскочила в коридор. Тут не было ни острых листьев, ни окровавленного Ричарда, только факелы освещали ей путь да провожали изумленные взгляды стражников. Альруна никак не могла успокоиться. Она предчувствовала опасность, теперь еще сильнее, чем во сне. Опасность!

Край неба едва подернулся серой дымкой, двор еще спал. Но Альруна знала, куда бежать в столь ранний час. Ее отец, Арвид, до женитьбы был послушником в монастыре и, хотя так и не принял постриг, каждое утро молился в часовне, не оставив былую привычку. Он молился за Альруну, ее мать и двух младших сестер. Вторая дочь Матильды родилась мертвой, третья же была такой слабой, что умерла вскоре после рождения. Арвид и Матильда справились с этим горем, но не перестанут думать о сестрах Альруны до последнего вздоха.

– Отец!

Он вздрогнул, оглянулся и удивленно уставился на дочь. Она думала, что отец упрекнет ее за неподобающий вид, но на его лице читалось лишь волнение – дочке явно было холодно.

Арвид не знал, что она дрожит не от холода, а от страха.

– Отец! Что Ричард делает в Бове? Почему архиепископ Бруно позвал его туда?

В его взгляде читалось недоумение, но Арвид понимал, что дело срочное.

– Бруно – брат Герберги, – пробормотал он.

– Но Герберга Саксонская – мать короля франков!

У Альруны мурашки побежали по коже. По слухам, Герберга ненавидела Ричарда, как и всех норманнов. Ее муж был слабым королем, как и ее сын, сейчас занимавший трон Западно-Франкского королевства. Однако Лотарь мог бы укрепить свою власть, завладей он землями Ричарда.

– Но почему он принял это приглашение? – в отчаянии воскликнула она.

– Ты же знаешь, Тибо де Блуа все время нападает на наши земли, а Бруно предложил обеспечить переговоры между Ричардом и Тибо.

Тибо де Блуа по прозвищу Плут тоже ненавидел Ричарда, но больше всех его ненавидела супруга Тибо, Литгарда. Она неоднократно при свидетелях называла Ричарда бастардом, поскольку его отец Вильгельм не был женат на Спроте, его матери.

– Я не понимаю... Как Бруно связан с Плутом?

– Сейчас речь идет о пограничной области Эвре. И Ричард, и Тибо заявляют о своем праве на эти земли. И не только они. Недавно племянник Бруно, король Лотарь, тоже завел речь об этом. Возможно, они договорятся поделить регион на три части.

Церковники часто добивались мира, не забывая об интересах своих родственников, в этом не было ничего необычного, но дьявольский смех Бруно до сих пор звенел у Альруны в ушах.

– О господи, Альруна, да у тебя зубы стучат! Оденься, а еще лучше – ложись-ка ты спать.

Конечно, спать она не собиралась, но действительно стоило одеться, чтобы выполнить созревший в ее голове план. План, для успеха которого ей понадобится помощь. И отец эту помощь предоставить не сможет. Или не захочет.

Девушка молча бросилась вон из часовни. Во дворе тоже стояли стражники, но они не обратили на Альруну внимания, слишком уж им хотелось спать в этот ранний час. Девушка подбежала к одному из них.

– Арфаст! Ты наверняка знаешь, где Арфаст! Позови его, скажи, что мне нужно с ним поговорить!

Сонно мотнув головой, стражник пошел прочь. У Альруны не было времени удостовериться в том, что он выполнит ее просьбу, – она побежала одеваться.

Арфаст, милый, веселый Арфаст поможет ей! И если скакать достаточно быстро, то еще можно догнать Ричарда! А если им это не удастся, герцог умрет. Альруна была уверена в этом.

Фекан

996 год

Агнесса знала: она должна что-то предпринять, но понятия не имела, что именно. Ей хотелось просто войти в комнату и потребовать у монахов объяснений, но девочка сдержалась. Так она только предупредит их об опасности, но ничего не добьется. Они хотели лишить будущего герцога его законных земель, и вряд ли десятилетняя девочка их остановит. Нет, нужно что-то придумать. Но в голову Агнессе ничего не приходило. Сейчас она думала не столько о том, что же делать, сколько о том, почему она вообще оказалась в такой ситуации.

Господи, что же было в тех свитках, которые искали монахи? Что опасного было в этих записях о прошлом герцогини? Что за тайна могла разрушить мир Агнессы? Тайна, которую хранила герцогиня...

Сколько Агнесса себя помнила, она всегда немного побаивалась герцогиню. Не то чтобы она плохо относилась к девочке, герцогиня даже не была строга или холодна, и все же Агнессе слишком часто говорили, что герцогиня – образец для подражания для всех женщин двора, и девочке сложно было представить себе, что она – живой человек из плоти и крови, со своими слабостями и недостатками. Ее легко было уважать. Но любить? Было в этом что-то неправильное, запрещенное. Агнесса не помнила, чтобы герцогиня когда-нибудь гладила ее по голове, как любила делать бабушка, но девочка могла бы поклясться, что руки у герцогини холодные как лед. Не такие, как у мертвеца, конечно, или у больного... скорее, как у ангела. Ангелы тоже были загадочными существами, наделенными великой силой. Они тоже внушали страх. Также были безупречны. Их нельзя соблазнить вкусным ужином, кружкой свежего эля, мягкой постелью или теплом камина. Столь же безукоризненна была и герцогиня. Она не алкала мирских наслаждений, говорили придворные, она стремилась к добродетели. Сдержанна, тактична, трудолюбива, мудра, наделена потрясающей памятью, талантлива в женских искусствах – вот какой была ее герцогиня. Она не проявляла чувств, заботилась о своей семье и удачно выдавала девушек замуж.

– Нашел?

Агнесса настолько погрузилась в собственные мысли, что и не заметила, как брат Реми вдруг замер.

– Это те... записи? – переспросил брат Уэн.

Ответа все еще не последовало.

Агнесса посмотрела на пламя в камине. «Я могла бы наброситься на брата Реми, – подумала она. – Вырвать у него пергамент из рук и бросить в огонь...»

Но брат Реми так и не сказал, те ли это свитки. Да и сгорит ли прочный пергамент? Если и сгорит, то не быстро. Чтобы уничтожить записи, нужно стереть их с пергамента, а это столь же кропотливая работа, как и их создание. У Агнессы не было так много времени. Нужно найти какой-то способ остановить монахов. Ну почему ей ничего не приходит в голову? Ее разозлили слова брата Реми о том, что Господь обделил женщину рассудком. Так почему она ведет себя как девочка, охваченная страхом за будущее, вместо того, чтобы положиться на свой разум и трезво рассудить, что же делать?!

Тем, что она прячется тут, она лишь подтверждает мнение монахов о женщинах: они глупы и смиренны, не опасны, не способны на хитроумные интриги, слишком слабы, чтобы что-либо противопоставить планам мужчин.

Но она должна что-то сделать! Должна...

И вдруг губы Агнессы растянулись в улыбке. А если не доказывать монахам, что она вовсе не глупа? Наоборот, следует приложить все усилия, чтобы ее приняли за дурочку!

Не стоит требовать от них объяснений. Чтобы не позволить им искать тайные свитки, нужно просто...

Девочка больше не улыбалась. Стараясь выглядеть как можно невиннее, она кашлянула и вошла в комнату. На ее лице не было и тени удивления, когда монахи в ужасе повернулись к ней. Агнесса делала вид, словно нет ничего странного в том, что они находятся в этой комнате.

– О господи, девочка, что ты тут делаешь? – опешив, воскликнул брат Реми.

Брат Уэн залился краской.

Видя их столь испуганными, Агнесса едва сумела сдержать злорадство.

– Скорее! – крикнула она. – Прошу вас, пойдете скорее! Времени почти не осталось!

Глава 3

962 год

Накануне свадьбы Гуннора убежала из дома. В последние дни она редко оставалась там: мысль о том, что вскоре ее сестричка будет принадлежать этому чурбану Замо, сводила ее с ума. Но хуже всего было то, что из соседней деревни пришел священник и окрестил Сейнфреду. Таким было условие Гильды, которая до последнего пыталась отменить свадьбу. В конце концов старуха все-таки поняла, что столь трудолюбивая невестка, как Сейнфреда, ей пригодится, да и сама она не вечна, а кто-то же должен будет присматривать за сыном после ее смерти. Но Гильда хотела позаботиться о том, чтобы будущая невестка не могла проводить языческие ритуалы и не наложила на нее проклятие.

Священник ненавидел этот лес, считал его безбожным местом, где могут жить только звери да отвратившиеся от Господа воры и разбойники, и потому не стал задерживаться в хижине Замо. К облегчению Гунноры, Замо сказал, что для самой свадьбы священник не нужен, достаточно, чтобы брак признал старейшина рода – в его случае это была Гильда. Но Замо хотел подождать со свадьбой до завтра, чтобы наловить дичи для праздничного ужина. Гуннора была уверена, что не съест ни кусочка. Пока Сейнфреда убирала в доме, Гуннора углубилась в лес и вскоре нашла дерево, на коре которого вырезала новые руны. Теперь Гильда их не увидит.

Сегодня она не собиралась чертить тут новые руны. Гуннора вспоминала, как играли свадьбу в Дании. Она часто бывала на таких праздниках. Пол в доме посыпали свежей соломой, столы ломились от деревянных мисок с вяленой рыбой и говядиной, жонглеры веселили гостей, а музыканты играли на костяных флейтах. Здесь же не звучит музыка, слышна только песня леса, а Замо и его мать глухи к этим напевам.

В Дании жених и невеста должны быть из семей одного достатка и статуса. За невестой давали приданое, которое оставалось у нее в случае развода. Но Сейнфреде никогда не стать хозяйкой этого дома. Она будет тут рабыней.

В Дании на свадьбу варили пиво, тут же такое не пили. Гунноре никогда не нравился горьковатый привкус этого напитка, но сейчас ей хотелось пить его до тех пор, пока голова не станет тяжелой и не уляжется боль в груди.

Она зажмурилась, а когда открыла глаза, то впервые заметила, что листья на деревьях уже начали желтеть.

Да, время для свадьбы они выбрали удачно. В Дании октябрь считался самым подходящим месяцем для женитьбы, ведь урожай уже собрали, сено спрятали в сараи, скот зарезали, а рыбу завялили. Но все это не могло примирить Гуннору с мыслью о будущем замужестве сестры, ведь как раз приближающаяся зима и укрепила Сейнфреду в ее решении. «Если мы не сможем остаться здесь, – сказала она накануне Гунноре, – мы просто замерзнем».

Гуннора не боялась холода. «Иса» обратила ее в лед. Но почему она тогда способна испытывать страдания?

Девушка пошла дальше и вскоре вышла к ручью, в котором Сейнфреда мылась по утрам. Такое купание не шло ни в какое сравнение с ванной, которую невеста по датской традиции принимает перед свадьбой. Еще молодую полагалось украсить венком из цветов, но и от этого обычая пришлось отказаться, поскольку в лесу цветы не росли. Не было тут и фаты, которая защитила бы невесту от взглядов злых духов. И только волосы, которые Сейнфреда всегда носила распущенными, теперь можно было собрать в косу, как велела традиция. А ночью Сейнфреда расплетет косу, ночью, когда возляжет с Замо... Он возьмет Сейнфреду в жены, но утром после свадьбы ничего не сможет ей подарить: ни льняное платье, ни резную шкатулку с украшениями. Вивея спросила, получит ли Сейнфреда цепочку в подарок, но

Гильда заявила, что и так поступила слишком щедро, позволив сестрам Сейнфреды жить с ней под одной крышей. Вивея была потрясена этими словами, и на лице девочки отразилась такая же беспомощность, как и у Гунноры.

Конечно, Сейнфреда могла прожить без украшений, но не без свободы же! В Дании женщина имела право развестись со своим мужем, если тот не мог ее прокормить или просто плохо к ней относился. Здесь же, по словам Гильды, это было невозможно. Тут жена целиком и полностью принадлежала мужу и даже в случае его смерти оставалась в его семье.

Вздыхнув, Гуннора прижалась к дереву с рунами. В лесу все так же царил полумрак, а теперь еще и туман клубился у корней деревьев – предвестник то ли дождя, то ли приближавшейся ночи. Последней ночи, которую Сейнфреда проведет не с Замо. Что бы ни случилось потом – послезавтра ее сестра станет другим человеком.

«А кем стану я? Кто я теперь? – думала Гуннора. – Сирота... Безродная... чужестранка... старшая дочь, которая не смогла дать своим сестрам то, в чем они нуждались... Не смогла подобрать Сейнфреде подходящего мужа, найти Вивее украшения, успокоить Дювелину, когда она плакала по маме. Я ни на что не гожусь».

Смахнув слезы, девушка кончиками пальцев дотронулась до рун. Лес молчал. Звери спрятались, испугавшись человека – или духов, нежити, демонов, обретавших силу осенью. Гуннора их не боялась, она даже надеялась, что ее родители вернуться к ней в облике быков, орлов или волков. «Тогда я и сама обратилась бы орлом, волком, быком, могла бы летать с вами, охотиться, пронзить врагов своими рогами».

Услышав какой-то шорох, Гуннора оглянулась. В последнее время в лесу встречались люди: крестьяне срезали последние листья с деревьев, чтобы скормить их скоту зимой. Гунноре всегда удавалось держаться от них подальше. Вот и сегодня она увидела не людей, а всего лишь белочку.

Зверек бегал от дерева к дереву и временами останавливался, беспокойно поглядывая на Гуннору. Девушке вспомнилась одна из историй, которую рассказывал как-то ее отец, – о Рататоске, белке, сновавшей между верхушкой и корнями дерева Иггдрасиль и переносившей слова орла змею Нидхеггу.

В этой истории не было ничего особенного, и все же Гуннора знала ее, знала многие предания Севера, обычаи и ритуалы, придававшие ее народу силу и отвагу. Да, ей было известно не так много, как Вальраму и Гунгильде, и все же ее познания были глубже, чем у большинства ее соотечественников.

«Кто я и кем хочу стать? Уж точно не одной из этого народа жертв, не беспомощной бабенкой, которая только и ждет, где бы найти муженька да спрятаться у него за спиной, только и ждет, как бы отвернуться от своего рода».

Нет, Гуннора хотела стать сильной женщиной, настоящей дочерью Севера, прислужницей богов, мастерицей рун.

Впервые за долгое время Гуннора почувствовала, что боль и холод отступили. Она вновь ощутила землю под ногами. В недрах этой земли, казалось, билось сердце. Их сердца бились в такт.

Белочка все смотрела на нее, и вдруг Гуннора поняла, что не случайно увидела ее в лесу. Это был знак. Нагнувшись, девушка подобрала камень и швырнула его в зверька. К своему изумлению, она попала. Теперь Гуннора была уверена, что эту белку прислали к ней боги. Фригг, богиня плодородия, требовала принести ей жертву, чтобы брак Сейнфреды оказался счастливым. Вообще-то перед свадьбой следовало принести в жертву черного быка, но тут быков не было. Кроме того, следовало положить под кровать невесте молот. Но и молота в хижине не нашлось. Что ж, придется переосмысливать старые ритуалы.

Гуннора отрубилa белке голову, обмакнула пальцы в кровь и нарисовала на дереве руну – седьмую руну «гебо», «подарок». Эта руна отвечала за мир и верность, за единение и дружбу, она могла укрепить союз мужчины и женщины.

– Да будет ваш союз, Замо и Сейнфреда, благословлен детьми, да принесет он мир в ваши семьи, да подарит вам тепло, – громко произнесла Гуннора. Она сама не верила в эти слова, но верила в силу рун. – Да воцарится благополучие в вашем доме, да не будет у вас забот. Да обретете вы счастье.

Ее голос был хриплым, низким.

Голос Гильды – визгливым, надрывным.

Рисуя кровью руну, Гуннора не заметила, что Гильда последовала за ней.

Старуха должна бы радоваться, что сестра ее будущей невестки ушла из дома, но ей показалось странным, что та не осталась с Сейнфредой в такой день.

Туман поднялся уже высоко, и рун не было видно. Гуннора поспешно спрятала мертвую белку за спину, кровь потекла по руке девушки, но Гильда этого не заметила. Теперь на лице старухи читалась уже не подозрительность, а страх. Страх перед этим лесом, затянутым туманом.

Гуннора же больше не боялась. Одиночество, столь мучившее ее в последнее время, развеялось после этого жертвоприношения. Оно стало ее учителем и другом.

– Что ты тут делаешь? – повторила Гильда.

Гуннора улыбнулась – и на мгновение стала похожа на Сейнфреду.

– Ничего... Я пойду с тобой.

Гильда так испугалась, что сглупила и не стала проверять, правду ли говорит Гуннора. Старуха понятия не имела, кто она такая, но скоро... скоро Гильда все поймет.

Наутро после свадьбы все собрались за столом. Пища, как и всегда, была грубой, но сегодня Гунноре казалось, что она и камни съест. Сейнфреда то краснела, то бледнела – возможно, от стыда, а может, от волнения. Она не казалась несчастной, но это ничего не означало, в конце концов, весь день после смерти родителей девушка улыбалась. Замо тоже улыбался, старался не смотреть на мать и на Гуннору, но выглядел довольным. Похоже, невзирая на простоту своей натуры, и он оказался не чужд сильным чувствам.

Гуннора провела ночь в лесу, чтобы не слышать, как ее сестра занимается любовью. Вивея и Дювелина ночью крепко спали. Девочки казались немного смущенными, Гильда же – напряженной, точно она готовилась к сражению. Наверное, она теперь не знала, чего ожидать от невестки, и эта неопределенность злила ее. Сейнфреда боялась Гильду, в отличие от Гунноры.

«Я знаю, как умиловить богов, и знаю язык леса. Я обладаю силой рун. Я ничего не боюсь», – думала старшая сестра.

Она открыто посмотрела Гильде в глаза, а затем перевела взгляд на ключи на поясе Гильды. Теперь эти ключи должны были принадлежать Сейнфреде, ведь это жена хозяина дома обязана хранить шкатулки с украшениями и следить за кладовой. А Гильда и не думала отдавать ключи. Вначале старуха немного смутилась, но затем упрямо уставилась на Гуннору и схватилась за пояс.

– Не думай, что теперь все станет легче, – едва слышно проговорила она.

И хотя Гунноре это не понравилось, она была рада, что ситуация и так ясна.

– Я буду помогать вам в работе по дому, – прошипела она, – но я тебе не служанка. Поэтому не смей так со мной разговаривать.

Замо беспокойно поерзал на месте, улыбка сползла с его лица. Гильда же на сына даже не посмотрела.

– Не стоит тебе задирать нос, – заявила она. – Работа еще никому не вредила. Мы должны трудиться, чтобы искупить грех Адама и Евы.

Гуннора скрестила руки на груди.

– В нашей стране люди ходят с гордо поднятой головой. Им не нужно пресмыкаться перед богом-слабаком.

От возмущения Гильда покраснела.

– Как ты можешь выслушивать эти богохульные речи?! – Впервые за это утро она заговорила с сыном. – Скажи что-нибудь! Твоя жена должна быть тебе покорна, а уж невестка – тем более!

Замо промолчал.

– Пожалуйста... Нора... – взмолилась Сейнфреда.

Обычно она не называла сестру так, в особенности в присутствии посторонних людей. Еще в детстве, играя и познавая мир, девочки выбрали себе тайные имена – Нора и Фреда, и с тех пор хранили их.

Отставив миску с кашей в сторону, Гуннора встала из-за стола – медленно и величественно. Девушка пристально посмотрела на Гильду, потом на Сейнфреду.

– Прекрати унижаться! Не позволяй им сломить тебя! Став его женой, ты не лишилась силы, напротив. Ты должна стать Замо той, кем была наша мать нашему отцу, – мудрой советчицей, хозяйкой в доме. Наша мать хранила тайны, заботилась о том, чтобы живые не забывали своих мертвых, предсказывала будущее.

– Я не потерплю язычницу в своем доме! – воскликнула Гильда.

Замо понурился.

– Ей нужно принять крещение, – шепнул он Сейнфреде. – Тогда все будет хорошо.

Когда к нему в дом приходил священник, Замо не поднимал этот вопрос. Очевидно, мужчина надеялся, что со временем все уляжется, мать смягчится, а Гуннора сама захочет принять христианство. Но Гуннора уже знала, что время ничего не меняет. Оно не исцеляет раны. Оно не изменит ее решение стать сильной женщиной. Не заставит ее вновь стать жертвой.

Гуннора гордо вскинула подбородок.

– Я не позволю меня окрестить. Никогда. Христианин убил моих родителей, и я ненавижу его, как и его бога.

Гильда охнула, а Вивея от страха закрыла лицо руками. Дювелина расплакалась.

Увидев это, Гуннора смягчилась. Ну почему она довела сестер до слез, почему не обняла их, не погладила по голове, не поцеловала в макушку, вдыхая сладкий запах? Почему устроила этот скандал?

Но затем Гуннора вспомнила, что должна не только заботиться о сестрах, но и сохранить свое наследие.

– Тогда, в лесу, ты точно занималась каким-то ведовством! – прошипела Гильда.

– Я принесла богине Фригг белку в жертву, чтобы освятить этот брак, – холодно ответила девушка.

– Гуннора! – в ужасе воскликнула Сейнфреда.

– Ты не можешь это терпеть! – напустилась на сына Гильда. – Либо она примет наши обычаи, либо пусть убираться из нашего дома, другого выбора нет!

Замо молчал, склонив голову еще ниже. Теперь его лоб почти касался столешницы. Мужчина все еще беспокойно ерзал на лавке.

«Петух, да и только», – презрительно подумала Гуннора.

Она не хотела слышать, что он ответит на требование матери, не хотела видеть отчаяние на лице Сейнфреды. Повернувшись, Гуннора гордо направилась к двери.

– Никто не может выгнать меня отсюда. Я не останусь в доме, где мне не рады.

С этими словами девушка вышла во двор, исполненная решимости больше не возвращаться сюда.

Не успела она сделать и пары шагов, как сестры догнали ее. Дювелина вцепилась ей в юбку.

– Где мама? Я хочу к маме! – Уже много недель девочка не задавала этот вопрос.

Вивея молчала, она словно оцепенела от ужаса. Краска сошла со щек Сейнфреды, девушка побледнела.

– Они не могут потерять и тебя тоже! Как им справиться с этим?! – воскликнула Сейнфреда, указывая на малышей. Слезы катились по их щекам, горячие слезы. – Позабудь о гордости, вернись в дом!

На мгновение воля Гунноры пошатнулась. Ей хотелось обнять сестер, утешить их. У нее сердце разрывалось от горя.

– Дело не в моей гордости, Сейнфреда, – объяснила она. – Дело в долге. Долге перед нашими родителями.

– Ты думаешь, им понравилось бы, что ты бросаешь нас на произвол судьбы?

– Они прибыли в эту страну, потому что надеялись обрести здесь лучшую жизнь. Они не стали бы предавать свою веру и убеждения. И я не предаю.

Гуннора отцепила пальчики Дювелины от юбки, и девочка тут же затихла – то ли испугалась, то ли поняла, что не стоит ждать от старшей сестры материнского тепла. Сейнфреда подхватила ее на руки. Теперь она казалась такой хрупкой, такой ранимой...

– Мне очень жаль... – прошептала Гуннора.

Сейнфреда сглотнула слезы, подбирая слова, но, наверное, поняла, что ничто не заставит сестру передумать.

– Как ты проживешь в лесу?

– Не бойся, я могу о себе позаботиться. И я буду недалеко, мы в любой момент сможем встретиться. Я позабочусь о вас... по-своему.

«Да, – подумала Гуннора. – Я вырежу руны, которые даруют вам благословение. Я вырежу руны, которые нашьют проклятье на того христианина, убившего наших родителей. Я отомщу».

Она молча пошла прочь. Не смогла заставить себя попрощаться. Сейнфреда тоже не произнесла ни слова. Прижимая к себе Дювелину и крепко держа за руку Вивею, девушка смотрела сестре вслед. Гуннора часто оглядывалась, но деревья росли так густо, что листья и ветки вскоре скрыли от ее взора трех сестер.

Альруна не позволяла отдохнуть ни Арфасту, ни самой себе. Ричард со своей свитой выехал из Руана вчера утром, и их можно было догнать, только скача без передышки.

Если вначале Арфаст с готовностью согласился на поездку, то через несколько часов езды начал протестовать.

– Мы должны заехать на постоялый двор или остановиться в монастыре, чтобы подкрепиться. Я знаю, тут неподалеку есть придорожная таверна.

Альруна даже взглядом его не удостоила. Все это время она скакала впереди, вот и теперь не остановилась.

– Я не могу отдыхать, когда ему угрожает опасность, – сказала она.

Тем временем Арфаст незаметно догнал ее и услышал эти слова, хотя Альруна говорила не с ним, она скорее убеждала саму себя.

– Ты не знаешь, действительно ли ему что-то угрожает. Ты только предполагаешь это из-за своего сна.

– Священники говорят, что сны посылает нам Господь. Если ты не веришь мне, то зачем поехал со мной? Если сомневаешься, то почему просто не вернешься в замок?

– Вернуться в замок и бросить тебя одну? Даже вдвоем путешествовать опасно. Тут полно разбойников.

– Мы не в такой опасности, как Ричард.

– Но ты не сможешь ему, если наши лошади падут от усталости.

И Альруна сдалась. Они остановились в ближайшей придорожной таверне, напоили и накормили лошадей, да и сами отдохнули немного, но затем вновь отправились в путь. Небеса затянули тяжелые тучи, и только к вечеру немного распогодилось. Садилось солнце, заливая осенний лес багряным светом. Альруна никогда раньше не скакала на лошади так долго, никогда раньше не уезжала так далеко от Руана. Родители наверняка волновались. Когда Альруна и Арфаст вернутся в замок, их обоих будет ждать скандал. Но Альруну это не пугало. Главное, чтобы Ричард был в безопасности.

Сейчас ее муки неразделенной любви казались смехотворными. Пусть Ричард даже не смотрит на нее, Альруна готова была смириться с этим, пока он жив и здоров.

Хотя Альруна никогда не черпала утешения в молитве, теперь она все время говорила с Богом. Она пыталась торговаться с Всевышним, обещая ему бессонные ночи в часовне и дни, проведенные в посте. В глубине души девушка удивлялась, зачем Богу нужно, чтобы кто-то голодал, страдал без сна и натирал себе колени. Но, наверное, Господь собирался-таки извлечь из этого какую-то пользу для себя, иначе почему они все же сумели догнать Ричарда? Уже сгустились сумерки, когда Арфаст и Альруна увидели отряд герцога. Собственно, им помог не так Господь, как бурная река. Тут не было мостов, а потому следовало отыскать безопасный брод, иначе можно было утонуть. Похоже, спутники Ричарда не знали, где здесь мелководье, и растерянно расхаживали по берегу, глядя на серовато-зеленый стремительный поток. Тем временем слуги поставили шатер и устлали его мехами, а по бокам разместили две бастерны – повозки, защищенные от проникновения воды. В бастернах отряд вез оружие и припасы. Похоже, Ричард собирался переходить реку только завтра утром.

Было уже так темно, что Альруна почти ничего не видела. Ее охватила усталость, и девушке показалось, что она вот-вот свалится с лошади. Ричард, казалось, тоже не увидел, кто к нему подъехал. Услышав топот копыт, воины обнажили оружие, и герцог их не остановил. Только когда Альруна позвала его, Ричард приказал своим спутникам опустить мечи и сам подошел к неожиданной гостье.

– О господи, что ты тут делаешь?

От волнения у Альруны сперло дыхание. Она не могла произнести ни слова, а когда заговорила, речь ее звучала столь сбивчиво, что едва ли что-то можно было разобрать.

– Бруно... задумал недоброе... его приглашение... хитрость... ты умрешь... так и не попав в Бове.

Ричард все так же насмешливо улыбался.

– Что ты такое говоришь? – Он удивленно поднял брови.

Герцог протянул ей руку, помогая спуститься с лошади. Альруна ловила губами воздух. Она, казалось, лишилась дара речи.

– Ты, должно быть, скакала целый день! – понял Ричард. – И Арфаст... Что он тут делает? Тебя сопровождал только он? Это же...

– Тебе нельзя в Бове! Тебя там убьют!

Свита Ричарда взволнованно зашептала. Слышался громкий плеск воды. А герцог молчал. И на его лице, к ужасу Альруны, читалось не только удивление, но и насмешка.

Девушка схватила его за руку.

– Прощу, поверь мне! Я видела вещий сон, посланный мне самим Господом. Я не могу ошибаться!

Ричард покачал головой.

– Почему ты так решила? Откуда такая уверенность?

У Альруны задрожали колени, закружилась голова, подкосились ноги от усталости. Она больше не могла сдерживаться, и слова правды невольно слетели с ее уст:

– Я уверена, потому что люблю тебя. Люблю не как брата, люблю всем сердцем, всей душой. И Господь знает об этом, а потому ниспослал мне этот сон. Молю тебя, останься со мной, вернись в Руан, и тогда с тобой ничего не случится.

Теперь она уже не слышала журчания воды и гомона свиты, только кровь стучала в ее ушах. Девушку бросило в жар, когда она произнесла эти слова. И в холод, когда улыбка сползла с лица Ричарда.

На следующее утро отряд нашел брод. Вода была холодной, но не бурной, грязной и серой, но не глубокой. Лошади уверенно шли вперед, и вскоре все очутились на другом берегу.

Альруне не удалось убедить Ричарда вернуться. Более того, оправившись от изумления, он расхохотался. Альруна не знала, смеется ли он над ее тревогами или признанием в любви. Как бы то ни было, он не стал говорить ни о том, ни о другом. Герцог хотел отправить ее обратно в Руан, но не решился отпускать девушку с одним только Арфастом, это было слишком опасно. Он сказал, что возьмет ее с собой в Бове, а потом уже проведет домой. Мол, таков его долг перед ее отцом.

У Альруны горели щеки, когда она думала об этом. О ее отце Ричард заботится больше, чем о ней самой! Теперь он относился к ней не как к сестре, а как к глупому, надоедливому ребенку.

С самого утра девушка упорно смотрела в землю. Нестерпимо было бы отпустить Ричарда в Бове, но не легче оказалось ехать вместе с ним и чувствовать на себе любопытные взгляды его соратников. Ричард был единственным, кто не поглядывал на нее украдкой, кто не посмеивался над ней. Он старался держаться от Альруны подальше, и впервые девушке подумалось, что любить – еще не означает знать.

Улыбка смягчала его черты, придавала ему ребячливый вид, но если подумать, она редко касалась его глаз, играя только на губах. Вот и теперь глаза Ричарда оставались жестокими и холодными. Не было в нем ребячливости, не было и быть не могло, как бы он ни подтрунивал над Альруной. Ричард всегда был мужчиной, не ребенком: ему исполнилось всего десять лет, когда он потерял отца. Герцог всю жизнь вынужден был бороться за свои земли, ведь столь многие пытались их отобрать. И этот человек, привыкший всегда беспокоиться только о себе, был неспособен думать о других.

Если раньше эта мысль вызывала в Альруне сочувствие, то теперь она ощутила гнев, и это чувство помогло ей перебороть стыд.

«Он неспособен на любовь, – подумала она, – и потому не понимает, что я испытываю. Он не позволяет себе любить, смеется над любовью, как и над всем, что пугает его. И если смеха оказывается недостаточно, чтобы заглушить звон мира со всем его горем и страданиями, Ричард бежит прочь – отправляется на верховую прогулку или к любовнице. Или отгораживается от мира своей жестокостью».

Не только Альруне не было места в его сердце, он никого не впускал в свою душу. Люби он другую – и он оказался бы не чужд сочувствия и понимания. Он бы не засмеялся, когда ему признались в любви.

Альруна смотрела на свои руки, ощущая не только стыд, но и боль. Она не глядела на Ричарда, как и он на нее, и даже не заметила, что отряд остановился. Они и так двига-

лись довольно медленно, их задерживали бастерны. Теперь же все замерли на месте. Арфаст перехватил поводья Альруны и остановил ее лошадь.

– Что случилось? – Девушка удивленно подняла голову.

Она не знала, слышал ли Арфаст ее признание Ричарду. Если и так, виду он не подавал. Сейчас юноша казался напряженным, он смотрел не на Альруну, а на двух всадников, появившихся вдали. Вначале Альруна обратила внимание на их шлемы, а уже потом – на мечи. Они выглядели не как норманны, а как... франки.

Девушка вздрогнула. Только что она злилась на Ричарда, теперь же ей хотелось броситься к нему, закрыть его своим телом, защитить от этих воинов.

Впрочем, тут было достаточно мужчин, способных уберечь своего герцога. Они обнажили оружие, готовясь к бою.

Два всадника неспешно подъехали поближе. Они понимали, что отряд превосходит их числом, и не бросались в бой. Хотя, возможно, дело было не в их нежелании жертвовать собой в героической схватке. Может быть, они приехали с миром.

Арфаст склонился к Альруне.

– Ты должна сейчас быть в Руане, прядь гобелены... В безопасности.

Девушка решительно покачала головой.

– Я знаю, вы все считаете меня сумасшедшей, но...

– Я никогда не говорил, что не верю в твой вещий сон.

То, что Арфаст признал ее правоту, сделало обиду на высмеявшего ее Ричарда еще горше. Альруна хотела что-то сказать в ответ, но Арфаст зажал ей рот ладонью – всадники приблизились настолько, что с ними можно было поговорить. Они сообщили авангарду отряда, кто они и зачем прибыли сюда. Затем их пропустили к Ричарду.

Альруна слышала отдельные имена – Тибо Плут, Бруно, Герберга, король Лотарь. Но мужчины стояли довольно далеко, и она не разобрала, что они рассказывают. Ричард же все прекрасно понял. Он уже не смеялся. Вся кровь отлила от его лица.

Поспешно осадив коня, он что-то сказал своим спутникам. И вновь Альруна не различила его слов, но весь отряд развернулся, повинувшись приказу герцога.

– Что... что случилось?

Никто не ответил ей, но все пришпорили своих коней. Арфаст не отпускал поводья ее лошади. Часть отряда осталась у бастерн, ведь повозки замедлили бы продвижение Ричарда.

Альруна была уверена, что это бегство, а не просто возвращение домой, и дело было не столько в скорости, сколько в выражении лиц всех мужчин вокруг.

Они доскакали до реки, перешли ее вброд в том же месте, где и утром, и только потом позволили себе немного отдохнуть.

– Так что же... случилось? – повторила Альруна.

Никто не захотел с ней говорить, но Арфасту удалось кое-что узнать. Когда он вернулся к ней, то был столь же бледен, как и Ричард.

– Ты с самого начала была права.

Как оказалось, те два воина предупредили Ричарда о готовящемся покушении, задуманном архиепископом Бруно и Тибо Плутом. Собственно, оба воина служили Тибо, но поскольку он так и не предоставил им в лен обещанные земли, они переметнулись к Ричарду, надеясь на богатое вознаграждение от герцога. Засада ждала отряд в половине дня конной езды от Бове.

Арфаст не сводил с Альруны глаз, и на его лице читалась не только тревога, но и благоговение.

Альруна же вначале ощутила лишь злорадство, затем облегчение и, наконец, сочувствие и любовь. Она взглянула на Ричарда. Тот по-прежнему был бледен. Герцог не просто

злился, он был в смятении. В его жизни ему всегда угрожала опасность, и Ричард не понимал, за что судьба так глумится над ним.

За весь день он так и не улыбнулся, и только проклятия слетали с его уст. Уже вечерело, когда отряд встретил Рауля д'Иври. Теперь же Ричард советовался с братом, что нужно сделать.

Рауль, обычно всегда относившийся с иронией ко всему происходящему вокруг, теперь задумчиво смотрел в пламя костра. Ричард беспокойно ходил туда-сюда.

– Мне хочется самому подослать убийц к Бруно! – раздраженно воскликнул он. – Да проклянет Господь его черную душу!

– Не самая лучшая из твоих идей, – ответил Рауль. – Бруно – церковник, и неважно, что он хотел коварно заманить тебя в ловушку. Если ты прольешь его кровь, то все скажут о тебе, что ты настоящее дитя жестоких язычников. И эта слава останется с тобой навсегда.

– Но обо мне и так говорят подобное! Сколько себя помню, все эти сволочи следят за мной, точно стервятники, ждут моей гибели, чтобы заполучить мои земли!

– С этим ничего не поделаешь. Тут и смерть Бруно не поможет.

Ричард задумчиво кивнул.

– Единственное, что я могу сделать, так это не выказывать страха.

– Ты можешь обмануть Бруно. Пусть ждет тебя в Бове, пусть до последнего думает, что его замыслы увенчаются успехом. – Рауль наконец-то улыбнулся.

В отличие от Ричарда Альруна вновь почувствовала в нем холод и решимость. А еще упрямство. Ей оно тоже было знакомо – упрямство помогало справляться со всеми бедами, будь то подосланные убийцы или несчастная любовь. И все же девушке хотелось, чтобы Ричард открыто выразил свои чувства, не скрывал свою боль, не оставался столь отчужденным и равнодушным.

Приняв решение, герцог отправил гонца в Бове, чтобы сообщить архиепископу Бруно, мол, Ричард задерживается, но непременно придет. Он не забыл и отблагодарить людей Тибо, переметнувшихся на его сторону: одному подарил позолоченное копье, второму – драгоценный камень.

На землю спустились сумерки, когда люди Тибо покинули лагерь. Теперь герцогу больше нечего было делать, и он вспомнил об Альруне.

– Я должен был прислушаться к твоим словам, – поспешно произнес он. – Прости меня. – Ричард невесело засмеялся.

– Главное, что ты жив, – равнодушно ответила Альруна и отвернулась.

– Погоди!

Она оглянулась и, к своему изумлению, увидела боль в его глазах.

– В этом мире так мало людей, которым я могу доверять, – пробормотал Ричард. – Ты... и твоя семья – одни из них.

Ну вот опять, он говорил с ней как с сестрой, но почему-то Альруне не показалось это неправильным. Герцог с самого детства жил в мире, полном врагов, и ему нужны были близкие. Близкие могли подарить ему покой – и он не ждал от них плотской любви.

Альруна закусила губу.

– То, что я тебе сказала... Что люблю тебя... Конечно же, я солгала. Я подумала, что это тебя убедит. Ты... ты для меня как брат.

И теперь уже она рассмеялась.

Ричард же сделал вид, что поверил в эту наглую ложь.

– Ну конечно.

Втянув голову в плечи, он пошел прочь.

Альруна точно окаменела. Чтобы сохранить честь, Ричард заставит Бруно ждать его в Бове. Она же, чтобы сохранить честь, несколько недель будет избегать герцога после воз-

вращения в Руан. И все это – из гордости. Но гордость подобна кольчуге – защищает от ран, но не греет ночью. После всего случившегося любовь не грела Альруну, не распустилась, точно цветок весной, нет, она тяжелым доспехом укрыла ее тело и душу.

Агнарр сидел в высоком кресле, раньше принадлежавшем его отцу. Он надел кольца и шлем Гуомундра, носил его меч, пил из его кубка. И только конь Гуомундра не признал нового хозяина, сбросил Агнарра, как только тот забрался в седло. Даже не пытаясь усмирить животное, Агнарр просто перерезал ему глотку.

В отличие от коня, воины из окружения Гуомундра не сохранили преданность бывшему правителю и подчинились Агнарру, ведь тот доказал свое превосходство над отцом. Теперь же это превосходство приходилось подтверждать день за днем, иначе воины, не колеблясь, переметнутся к другому предводителю. Агнарру все это давалось намного сложнее, чем он предполагал.

«Я проклят, – думал он. – На меня наслали злые чары».

Пришлось взять себя в руки, чтобы не поддаваться горестным мыслям.

Сейчас Агнарр пытался сосредоточиться на словах гонца. Тот как раз рассказывал о том, что герцог Ричард чуть не пал жертвой покушения. Цель была так близко, Агнарру не пришлось бы даже самому марать руки, но каким-то образом Ричарду удалось спастись, а Агнарр ни на шаг не приблизился к захвату трона Нормандии.

– Проклятье! – ругнулся он и тут же поджал губы.

Он не хотел проявлять свои чувства! Хотел, чтобы люди дрожали, стоило ему взглянуть на них! Хотел, чтобы они боялись его самого, а не его меча!

– Сколько у нас человек? – уже спокойнее спросил он у своих воинов, собравшихся в доме.

– Пара десятков в Руане, на побережье не больше. Нас поддерживают в Котантене, однако даже если считать не только наших сторонников, но и членов их семей, то людей все равно не хватит, чтобы свергнуть Ричарда.

И вновь Агнарру захотелось выругаться, но он сдержался. Стольких людей он убил за эти годы, столько усилий приложил, чтобы свалить вину за эти убийства на Ричарда, так долго сеял ненависть и вражду! И все зря. Зря пролилась кровь тех переселенцев. Она не взывала к небесам о мести, земля поглотила ее и проросла цветами.

«Не пролилась кровь той черноволосой датчанки», – вновь вспомнил Агнарр. Он не раз отправлял своих воинов на поиски в лес, но они вернулись без добычи.

Может быть, это черноволосая датчанка наслала на него чары? Или дух Гуомундра проклял его?

– Что будем делать? – спросил один из воинов.

– Ждать, – стиснув зубы, прошипел Агнарр.

Он видел недовольство на их лицах, но никто не решился перечить предводителю.

Никто, кроме...

– Так вот, значит, к чему ты призываешь своих воинов? Ждать? Ты бы им еще яйца отрезал, тогда они уж точно в баб превратятся!

Говорившая и сама была бабой. Женщиной, родившей его на свет. Агнарр не видел, как его мать вошла в этот дом, но, наверное, это произошло уже довольно давно.

Услышав ее слова, он не сумел сдержаться:

– Тебе тут делать нечего, мать!

Эгла холодно взглянула на него.

– Разве ты не ожидал, что смерть отца принесет тебе успех? И где он, этот успех? – хрипло осведомилась она.

Эти слова задели его. Мать словно говорила, что простит ему убийство, когда он придет к власти, но пока что она не уставала напоминать всем, кто он такой. Не новый герцог Нормандии, а жалкий отцеубийца.

– Если не заткнешься, я и тебя убью.

Эгла смотрела ему прямо в глаза. Она не боялась Агнарра – как и черноволосая датчанка.

– Мое тело иссохло, волосы побелели, спина согнулась, я почти ослепла. Тебе не напугать меня смертью.

Ее слова ранили его, более того, напоминали об ошибке. Только недавно Агнарр понял, что убийства не даруют ему силу. До сих пор он верил в это, ведь люди, на которых он поднимал меч, молили его о пощаде. Но те люди были жалкими, любой смог бы одолеть их. Победа над ними не даровала ни триумфа, ни радости. Волю сильного человека сломить намного сложнее, чем проломить кому-то череп. И Агнарр понял это только теперь.

Ту же ошибку он совершил и с Берит, он слишком полагался на силу и не предвидел, что она предпочтет сама броситься на меч, чем покориться ему. Да, смерть оказалась сильнее, но Берит сумела отречься от воли к жизни, свойственной любому человеку. Вот и Эгле, казалось, жизнь не столь дорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.